

МЕЛЬНИКОВА Ирина

вера, надежда, любовь

Талисман Белой Волчицы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО»

Агент сыскной полиции

Ирина Мельникова

Талисман Белой Волчицы

«ЭКСМО»

Мельникова И. А.

Талисман Белой Волчицы / И. А. Мельникова — «Эксмо»,
— (Агент сыскной полиции)

Подметные письма с угрозами купцу Никодиму Кретову, поджог его баржи, грабеж обозов и бунт на заводе в таежном Тесинске – все говорит о том, что братьев Кретовых кто-то очень хочет поссорить. Ведь подозрение сразу падает на младшего, Михаила Кретова, – при поджоге парохода «Амур» и складов на заводе видели будто бы его. Но у Михаила – железное алиби. И агент сыскной полиции Алексей Поляков, прибывший в Тесинск под видом горного инженера, может это алиби подтвердить. При пожаре складов он был в доме купца вместе с местным учителем и его племянницей Машей, которую ранила стрела самострела, явно предназначенная Михаилу... Да и сам Алексей до этого попал под обвал, явно кем-то подстроенный. Во всем этом видна чья-то умелая рука...

© Мельникова И. А.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	48
Глава 10	53
Глава 11	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ирина Мельникова

Талисман Белой Волчицы

*Не собирайте себе сокровища на земле, где моль и ржа истребляют
и где воры подкапывают и крадут;*

*Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не
истребляют и где воры не подкапывают и не крадут;*

Ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше.

*Евангелие от Матфея,
Гл.6, 19–21.*

Пролог

Уже который день он брел по горной тайге, карабкался по скалам, минуя обрывистые теснины. Руки посекло о камни, и они дрожали от страшного напряжения. Плечи немели, а сердце колотилось у самого горла. В одном месте ноги заскользили, повисли над пропастью, но в последний момент подвернулся под руку корявый корень лиственницы, не позволил скатиться вниз. «Винчестер» с оборванным ремнем загремел по уступам в темную глубину. Человек присел на камень, ощупал себя, убедился, что цел, и решил больше не рисковать. Обошел скалы через заснеженный перевал, хотя и проваливался местами в свежий еще снег по пояс.

Собака царапалась следом, тихо повизгивала, ластилась и жалобно заглядывала в глаза на коротких привалах: боялась, что хозяин бросит ее в столь гиблых местах. Кое-где он ее подсаживал, где-то втаскивал на скалы за холку. Так и шли они вместе днем, а ночью дремали, прижавшись друг к другу, – человек и собака, затерявшиеся в никем не меренной сибирской тайге и уже не верившие, что когда-нибудь выйдут к жилью, к людям, к теплу...

Наступало утро, и мужчина снова брел и брел среди диких скал и лесов, карабкался по террасам и спускался в распадки, изможденный усталостью, с избитыми в кровь ступнями и коленями, голодный и оборванный. И только перелетные ватаги гусей указывали ему единственно правильный путь – на юг.

Жалкий провиант давно кончился, вся живность попряталась в кутерьме налетевшего вдруг бурана. Ветер через два дня стих, но повалил снег, густой и липкий, который превратил одежду в толстый ледяной панцирь. Ручьи и верховья рек затянуло льдом до весны. Человек шел наугад по неведомому распадку, уходящему в темную, затянутую сизой мглой тайгу, и думал о том, что ночь уже не переживет: не останется сил развести костер, тем более поддерживать огонь и крутиться с боку на бок, обогреваясь со всех сторон. Сморит его сон, и, возможно, уже навсегда. Он не знал, идет ли следом собака, не было сил оглянуться.

Что это за лес? Куда он забрел? Это уже не волновало его. Только стучало в голове: «Надо идти... Пропадешь... Надо спешить...»

Сухой кашель разрывал легкие, надсаживал горло. Уже ни во что не веря, он садился прямо на снег, отдыхал. Потом с трудом делал сотню шагов и вновь садился. Заиндевшие пихты и кедры стояли в сонном оцепенении, сквозь их вершины проступали ребристые хребты незнакомых ему гор. В беспамятстве он уже почти полз, почернев от голода и мороза, все чаще и чаще поглядывая на собаку, но съесть ее не решался. Она тоже сдала. Безнадежно искала дичь в заваленной снегом тайге, виновато опустив голову, плелась сзади, хватая пастью снег.

К вечеру стали докучать ему страшные видения, собака издала настороженно поглядывала и сторонилась хозяина, видимо, чуяла, что от голода нашло на него полубезумное помра-

чение. Наконец мужик упал на колени, долго глядел на тяжелый тулун¹ с золотом, и гримаса то ли улыбки, то ли ненависти искривила его спекшееся, обмороженное лицо. Он затолкал тулун под нательную рубаху, попытался подняться и понял, что ноги больше не несут его. И тогда он пополз, и слезы, которые он не замечал, текли по его лицу и замерзли в свалившейся, забитой снегом бороде.

Опять поплыли кошмары, и, когда в укромном распадке понесло вдруг на него костровым дымом, он посчитал это за новую блажь. Но собака еще доверяла своим глазам, поэтому, обогнав человека, прыжками мчалась к костру, взвизгивая и заваливаясь на бок от слабости...

Из котелка на снегу топорщились ноги разваренной птицы. Человек выбросил мясо на снег. Голод все-таки не совсем высушил его мозг. Он понимал, что тяжелая пища скрутит кишки в узел и загнет его в двух шагах от спасения, от того, что не успел справиться с жадностью. Поэтому он, обжигаясь и давясь, принялся глотать жирный навар – бульон, в котором варилась птица. Горячая пища взбодрила его, сорвала пелену с глаз. Мужчина оглянулся в смятении, испугавшись, что копалуха² стала добычей не менее голодной собаки. Но она, ворча, жадно хватала и тоже давилась добытыми из-под снега внутренностями и головой птицы.

Человек удовлетворенно срыгнул и откинулся на лапник, разбросанный у костра. Копалуху он вернул в котелок и пристроил его у изголовья, боясь, что собака доберется до его добычи. Но она улеглась у него в ногах, положила морду на лапы и закрыла глаза, точно так же, как ее хозяин, который впервые за долгое время почувствовал, что теперь уж точно выкарабкается...

Очнулся он от тяжелого взгляда. Испуганно вздернул голову. Краем глаза заметил собаку. Шельма, довольно урча, догрызала копалуху. А он и не слышал, когда она подкралась и утащила из-под руки котелок. Мужчина приподнялся на локтях, ища взглядом, чем бы запустить в негодницу-воровку, и только тут заметил дремучего старика, что сидел на корточках по другую сторону костра и угрюмо взирал на дикого обличьем приبلудного гостя.

Он был без шапки. Седые волосы по лбу опоясывал ремешок, лицо изрыли глубокие, словно овраги, морщины, а блеклые глаза под кустистыми бровями как будто пронзали прищельца насквозь и выворачивали наизнанку. Старик продолжал молча пялиться на мужика, не спуская с колен длинное, похоже, еще кремниевое ружье. Одет он был в короткую шубу волчьим мехом наружу, из-под которой свисала длинная, из домотканого холста рубаха, серели на ногах торбаза из оленьего камуса.³

Заметив, что прищелец открыл глаза, старик истово перекрестился двумя перстами.

«Раскольник, – сообразил незванный гость. – Отбилсь подальше в тайгу. Наверняка где-то скит поблизости, если простоволосый по лесу шастает...» – и выдавил робко:

– Спаси, дедушка, от голода... пропадая... Я тебя отблагодарю...

Рука лапнула тулун за пазухой, и прищелец облегченно вздохнул. Здесь! На месте, в отличие от копалухи, которая уже исчезла в ненасытной утробе его спутницы по несчастью. Ишь, стерва, даже не вякнула, когда старик подошел! А если б хунхуз⁴ какой или из той бродяжни, что два дня гнала его, как дикого зверя, по реке Тагул? Но сил не было злиться на негодную собачонку, которая променяла его на жирную копалуху. Он опять посмотрел на старика. Тот наливал в берестяную посудину темный настой из второго котелка, который прищелец сразу и не заметил. В нем упревали таежные травы, нанося ароматом уже забытого лета.

– Попей отвару, слышь-ка! – впервые подал голос старик. – Должно полегчать!

¹ Кожанный мешочек, в котором старатели хранили золото.

² То есть глухарка (*диалектн.*).

³ Камус – мех с ног лося или оленя.

⁴ Хунхуз – разбойник.

Человек глотнул раз, другой, почувствовав, как побежала быстрее по жилам кровь, как освобождается от спазмов горло, затем залпом осушил посудину до конца. В глазах и впрямь посветлело. Он увидел перед собой серебристое кружево притихшей в обмете инея тайги.

– Близко Амыл? – с трудом выдавил из себя пришелец.

Но старик, будто не расслышал, заторопил его:

– Вставай, паря, вставай! Торопиться надо, в ночь пурга закрутит...

– Доведи меня до Амыла, золотом заплачу! – Чужак с трудом поднялся на ноги, вытащив из-за пазухи тулун, будто взвесил его, покачав на ладони, и опять повторил хриплым шепотом: – Выведи, дедуня, к реке, клянусь, половину отдам!

Старик удрученно крякнул и мотнул головой:

– Золото, паря, от анчихриста! Не соблазняй, а то прокляну! – и кивнул на лыжню, убегающую вниз по распадку: – Иди уже! Мыльню⁵ принять потребно, чтоб очистить тело ото скверны. Мирскую нечисть бог простит! Очухашься немножко, тогда и поговорим.

Носки торбазов скользнули в сыромятные крепления широких, обшитых мехом охотничьих лыж. Старик забросил ружье за спину, накиннул на плечо лямку от коротких, без полозьев, больше напоминавших лодку-долбленку, саней, заполненных связками собольих и горностаевых шкурок, прикрытых драной дерюжкой.

Он цокнул языком, и собака вдруг сорвалась с места и, весело задрав хвост, помчалась первой по лыжне, оставляя на гладком снегу звездочки следов. Старик легко побежал следом, лишь изредка оглядываясь на чужака, который, проваливаясь в снег то по колено, а где и по пояс, с трудом, но тащился за ними.

Неожиданно натянуло тучи, разом завьюжило, и посыпал снег. Стемнело. Внезапно старик остановился. Повернулся к пришельцу. Из-под бровей насмешливо блеснули блеклые глаза.

– Иди-и, сын мой, до той вечной красоты в ирий,⁶ ибо тайну несешь непосильну живому...

Он молниеносно выставил вперед ружье. Чужак, увязший в снегу, ошеломленно взирал на него. Хлестанул металлический щелчок, и пришелец вскинул руки к лицу, словно они могли защитить его от пули, летящей по-охотничьи в глаз. Но удара не последовало. Бердана неожиданно осеклась с первого раза.

Неизвестно, о чем думал человек в этот момент, но наверняка не о божьих заповедях и райских кущах. С замиранием сердца видел он последнее в своей жизни: беспощадно-спокойный прищур глаза над граненым стволом. Рука метнулась к кожаному мешочку на груди: откупиться, задобрить... Но тут же безвольно упала. Добыча и так достанется подлому вражине, обхитрившему его благодушием и притворной отрешенностью от всего мирского.

Грохнул выстрел, и пуля ударила в грудь. Пришелец качнулся в облаке порохового дыма и подивился, что совсем не чувствует боли. Ноги тоже держали крепко, лицо было в порядке. Он ощупал руками грудь и не отыскал дыры в камлейке. Дым рассеялся, и проявился вдруг на снегу старец, завалившийся на спину с дико вытаращенным глазом и разинутым ртом. Из второго глаза торчал ружейный затвор. По щеке густой струйкой текла кровь, густая и черная в подступившей темноте.

Чужака затрясло, как в лихорадке. Тело его ходило ходуном от пережитого ужаса, зубы лязгали, руки выплясывали, когда он освобождал плечо старца от лямки. Стащил отяжелевшее тело в глубокую расщелину, завалил камнями, закидал снегом. Медленно пошел по склону к оставшимся на лыжне саням. Оглянулся на неприкаянную могилу своего неудавшегося убийцы. Руки еще тряслись. В голове метались тревожные мысли. Он бросил взгляд на изувече-

⁵ Мыльня – баня.

⁶ Ирий – рай.

ченную бердану. Видно, в спешке не довернул старец до упора затвор, вот и вышибло его, и пуля ударила не в полную силу...

Он натянул лыжи, вспомнив вдруг, что на старике остались крепкие и теплые торбаза, но не раскапывать же труп по новой, махнул рукой, перекрестился на темный лес и, натянув на плечо лямку от саней, свистнул собаке, выгрызавшей кровавое пятно на снегу. «Ах, чтоб тебя!» – запустил он в нее подвернувшимся сучком и заскользил по лыжне вниз по распадку. Вокруг него глухо ревела и стонала тайга, изо всех сил сопротивляясь холодному ветру, который гнал поземку, заматаывая следы.

Собака, отворачивая морду от секущего ветра, бежала следом. Наконец лыжня взметнулась на перевал, и внизу вдруг блеснула тусклым огоньком рубленая из толстых бревен изба, рядом с которой курилась дымком крошечная банька. Собака, возбужденно взвизгнув, села на хвост и радостно залаяла, словно отмечая конец их многотрудного, смертельно опасного пути.

Человек остановился у самого крыльца, заваленного чистым, потревоженным снегом. Прислушался, перекрестился и надавил на дверь ладонью...

Глава 1

Утро словно вторило его настроению и мыслям – было пасмурным и неприветливым. Горы, поросшие темной тайгой, подернуло грязно-серой пеленой. Вот уже неделю сползают с них на город тяжелые тучи, поливая все вокруг колючим, нудно морозящим дождем. Август. Скоро осень. Первая его осень в Сибири...

Алексей зябко передернул плечами и с отвращением сморщился, представив себя со стороны. Темно-коричневый сюртук, желтая сорочка, галстук, в кармашке носовой платок, черные, до зеркального блеска начищенные штиблеты... Не зря Иван расхохотался, увидев его в этом одеянии. Алексей уже и забыл, когда в последний раз выглядел подобным франтом. Гладко выбрит, чисто вымыт и даже французским одеколоном spraysнут, на голове новая шляпа, а в руке трость, которую неизвестно откуда выкопал Вавилов, но придется и это вытерпеть, не каждый же день агента сыскальной полиции в гости к миллионеру приглашают.

Хотя какие гости! Алексей тоскливо огляделся по сторонам. Тартищев откровенно сказал, что терпеть не может Никодима Корнеевича за его занудство и скопидомство и уверен, что его желание встретиться с начальником уголовного сыска не более чем каприз, вернее, приступ самодурства, к которому склонно все это семейство, начиная от благополучно скончавшегося лет пять назад старика Кретьова, нажившего свои миллионы на торговле лесом, мехами и спиртом, и кончая его младшим сыном Михаилом – повесой, кутилой и бездельником. Правда, рассказывают, что в последние годы своей жизни, после смерти жены Ефросиньи Кузьминичны, Корней Кретьов остепенился, женился на одной из своих любовниц – матери Михаила, зачастил в церковь, даже часовню построил на крутом берегу в память всех погибших в водах своенравной и бешеной реки.

Но лет за пять до смерти выкинул свой последний фортель, в одночасье разорив владельца пароходной компании Фаддея Карнаухова, отчего тот пустил себе пулю в лоб, но неудачно. Помереть не помер, но часть мозгов вышиб, превратившись в слюнтявого, разучившегося говорить, сморщенного, как старый опенок, дурачка, просящего подавание на крыльце Знаменского собора.

Над огромными, сажени в полторы⁷ высотой воротами во двор трехэтажного особняка, чей нижний этаж занимала купеческая контора Никодима Кретьова, возвышался огромный щит с изображением горы Кандат. Хищный гранитный клюв ее навис над длинным белым пароходом с двумя высокими черными трубами. По его ватерлинии шла крупная гвардейских цветов надпись «Пароходная компания „Восход“, а над трубами дугой выгнулась еще одна, красная и блестящая, будто цыганская рубаха, – „Владельцы – купцы первой гильдии Никодим и Михаил Кретьовы“. Из-за горы выглядывал желто-багровый блин – солнце. Его лучи веером расходились над пароходом и красными буквами верхней надписи. И Алексей, взглянув на это буйство красок, вновь вздохнул, вспомнив вдруг предостережение Тартищева ни в коей мере не перечить Кретьову, даже если тому вздумается по какой-то причине разгневаться на своего гостя.

Огромного роста детина, в черной казачьей черкеске, мохнатой овечьей папахе, с мощными кулаками и шеей, едва втиснутой в стоячий воротник бешмета, молча довел Алексея до высокого крыльца, где его принял второй детина, тоже в черкеске, но без папахи. Окинув его быстрым взглядом, провел в дом и оставил в небольшой зале, вдоль стен которой стояли массивные диваны с высокими спинками и точно такие же громоздкие стулья с кожаными сиденьями. Вероятно, это была комната для визитеров, но сегодня по случаю воскресного дня она пустовала.

⁷ Три метра.

Алексей покосился на истертые многочисленными задами сиденья и остался стоять, не вняв приглашающему кивку своего провожатого сесть.

В зал выходили две двустворчатые двери из темного дуба, одна напротив другой. Провожатый скрылся за той, что слева, а Алексей, опершись на трость, остановился напротив совершенно пустого камина с четырьмя мраморными купидонами по углам толстой и тоже мраморной каминной доски. Над доской висел большой аляповатый портрет, выполненный маслом, вероятно рукой того же художника, что и вывеска над воротами. А над портретом, под стеклом – два выппела, то ли кавалерийские, то ли артиллерийские, позолота и буквы на них облезли, цвета полков выгорели. Их щедро покрывали пулевые пробоины, но скорее всего здесь всласть попировала моль.

Алексей окинул выппелы скептическим взглядом и перевел его на портрет. На нем был изображен черноглазый, с подстриженными в скобку темными с проседью волосами, с густой бородой лопатой, человек в собольей шубе, которую он слегка распахнул, подбоченясь, вероятно, чтобы явить миру орден, свисающий из-под бороды на широкую грудь. Весь вид мужчины на портрете однозначно говорил, что он из тех, с кем лучше не связываться и в темном месте один на один не встречаться.

«Наверняка Корней Кретов», – подумал Алексей. Судя по трещинам, избороздившим портрет, он был написан достаточно давно и не мог изображать нынешнего владельца паровой компании «Восход» хотя бы потому, что Никодим, как успел сообщить Алексею Вавилов, против купеческих традиций бороду брил и вид имел вполне европейский. Но вместе с миллионными богатствами достались ему в наследство от батюшки дикий нрав и громоподобный рык, так что истинная сущность Никодима Корнеевича в минуты гнева перла наружу, как прокисшая брага из бочонка. И никакая, даже самая дорогая английская одежда эту самую сущность в себе удержать не могла.

Он перевел взгляд на камин, но скрип приоткрывшейся двери отвлек его от созерцания сытых физиономий купидонов. Он повернулся, ожидая увидеть посыльного в черкеске, но порог перешагнула рыжеволосая барышня в зеленом платье, с тщательно причесанной на прямой пробор головой. Близоруко прищурившись, она окинула быстрым взглядом комнату, увидела Алексея и направилась прямо к нему. Она не шла, а плыла, не спуская напряженного взгляда с его правого плеча, отчего он даже скосил глаза в ту сторону, чтобы проверить, что ж такое интересное углядела эта странная девица на его сюткуе.

Барышня подошла к нему почти вплотную и остановилась напротив. Серо-голубые, слегка выпуклые глаза смотрели с явным любопытством, а высокий лоб морщился от усилий, словно его хозяйка пыталась и не могла вспомнить, где она видела стоящего перед ней человека. Она часто и нервно облизывала губы, а то вдруг закусывала нижнюю и некоторое время терзала ее мелкими и острыми, как у ласки, зубами. Впалые, бледные щеки, длинный, с едва заметной горбинкой нос... Девица была потрясающе некрасива, но талия у нее была тонкой, а бюст вызывающе крепким, и эти подробности ее телосложения неожиданно порадовали Алексея, потому что давали барышне хоть какой-то шанс выйти замуж... Он мысленно выругал себя. Спрашивается: какое ему до этого дело? И с чего вдруг подобные, совершенно нелепые в его положении мысли обуяли его?

Девица, склонив голову набок, обвела его взглядом с ног до головы и тягучим, совершенно бесстрастным голосом произнесла:

– А вы ничего! Высокий!

– Стараемся! – пожал плечами Алексей.

Она озадаченно округлила глаза, задумалась на мгновение, но, видно, это не доставило ей большого удовольствия, и заявила прежним тоном:

– И красавчик! Я таких еще не видела.

– Да полно вам! – проворчал Алексей. – Вы что, по улицам не гуляете? Там таких, как я...

– Как вас зовут? – перебила его девица и уточнила: – Я по улицам не гуляю. Папенька говорит, что там одни шалавы подзаборные отираются.

Алексей опешил и не нашелся что ответить, настолько поразило его слово «шалавы», весьма спокойно произнесенное вполне на первый взгляд благовоспитанной барышней.

– Ну, наверно, не только шалавы, – буркнул он, всем своим видом показывая, что не намерен продолжать разговор. С этой целью он даже перевел взгляд на камин, словно голые задницы купидонов доставляли ему гораздо большее эстетическое удовольствие, чем созерцание прелестей незнакомой ему девицы.

Но барышня оказалась не из обидчивых и к тому же не из стеснительных. Она обошла вокруг Алексея, окинув его взглядом завязтого барышника. На мгновение ему показалось, что его вот-вот заставят показать зубы или согнут руку в локте, чтобы пощупать бицепсы.

– Так как вас зовут? – произнесла девица требовательно и даже слегка притопнула ногой, являя некоторое негодование по поводу его бестолковости.

Алексей в свою очередь окинул ее хмурым взглядом, одновременно соображая, как поступить в этом случае. Ни Тартищев, ни Вавилов не предупредили его, что в доме купца Кретова его встретит подобная барышня.

– Чингачгук – Большой Змей, – неожиданно для себя брякнул Алексей.

– Совершенно дурацкое имя, – протянула задумчиво девица. Она достала из-за края рукава изящный платочек, вцепилась в него зубами и, слегка склонив голову, окинула Алексея долгим и непонятым взглядом. Затем, недовольно рванув платок зубами, скомкала его в руке, тяжело вздохнула и медленно ее опустила, а затем столь же медленно, словно театральный занавес, подняла свои по-коровьи длинные ресницы. Хорошо отработанный, как выяснилось позже, прием. Наверняка расчет был на то, что Алексей свалится к ее ногам, исходя слюной от восторга.

– Вы случайно не актер? – спросила она без всякого интереса, увидев, что Алексей на пол не свалился и слюной не исходит.

– Случайно нет, – ответил он недружелюбно. – Я – из полиции.

– Ага, – кивнула она головой, – все шутите?

– Конечно, – ответил ей в тон Алексей и спросил: – Что вы хотите?

– Я? – туповато посмотрела на него девица.

– А разве здесь есть еще кто-то, кроме вас?

– Вы, – односложно ответила жеманница и капризно добавила: – Вы – гадкий зануда, хотя и красавчик.

– Спасибо, – усмехнулся Алексей и, приложив руку к груди, склонил голову. – Мерси боку за комплимент.

– Коломенская верста. – Она ехидно улыбнулась и тоже склонила голову, одарив Алексея взглядом исподлюбья. – Пожарная каланча.

Ей явно хотелось скандала, но Алексей промолчал, чем явно привел девицу в смятение. Она яростно фыркнула, смерила его ненавидящим взглядом и резко развернулась, чтобы уйти. Но не успел Алексей перевести дух, как барышня упала на него спиной и, если бы он не успел подхватить ее под мышки, непременно раскроила бы себе череп о латунную подставку для дров.

Под руками он ощутил жесткие ребра корсета из китового уса. Девица как-то неестественно всхлипнула и попыталась соскользнуть вниз. Алексей прижал ее к себе, но хитрая мерзавка как-то по-змеиному вывернулась и неожиданно впилась в его рот горячими и влажными губами.

Краем глаза Алексей поймал появившегося в этот момент посыльного в черкеске. Судя по спокойному взгляду и не сбившейся с ритма неторопливой походке, увиденное его отнюдь не смутило.

Девушка тоже заметила парня в черкеске, оттолкнулась от груди Алексея обеими руками и величаво, словно пава, отправилась в обратный путь к левой двери. На полпути остановилась, повернула голову и повторила свой трюк с ресницами. Затем вдруг прыгнула в сторону, показала Алексею язык и, подобрав юбки, бегом выбежала из комнаты.

– Никодим Корнеич ждут-с, – совершенно невозмутимо произнес слуга. – Пройдите-с в кабинет.

– Кто это? – спросил Алексей и кивнул головой на дверь.

– Анфиса Никодимовна, – равнодушно ответил тот.

– Верно, в девках засиделась? – справился у него Алексей, почувствовав неодолимое желание выскочить на свежий воздух и отдышаться.

Слуга с непроницаемым видом посмотрел на него и повторил:

– Никодим Корнеич ждут-с... – И, отвернувшись, направился к двери, за которой только что скрылось нелепое создание в зеленом платье.

Алексей озадаченно посмотрел в спину своего провожатого и последовал за ним на свидание с Никодимом Корнеевичем Кретовым и одновременно, как только что выяснилось, батюшкой этой нахальной девицы.

Глава 2

Они прошли сквозь длинную анфиладу комнат, заставленных добротной, но потемневшей от возраста английской мебелью. Со стен смотрели потускневшие пейзажи, судя по всему, тоже английского происхождения, и портреты мужчин и женщин, дородных, с широкими лицами, курносыми и толстощеками. Все они, как один, походили на портрет, висевший над камином, только масть у всех была разной. От рыжей до блондина, и никого черного как смоль.

Пробежав глазами незатейливый парад предков Никодима Кретьева, Алексей неожиданно для себя загадал: если купец окажется похожим вон на ту рыжеватую тетку в каком-то странном, похожем на перевернутую макитру головном уборе, то все закончится благополучно. Правда, он еще не определился, что означало это «все» в данном случае, но неясное беспокойство, которое он испытывал с того момента, как переступил порог этого дома, подогретое вдобавок эксцессом с дочерью хозяина, мешало ему сосредоточиться. Он не был готов к этой встрече изначально. Душа его сопротивлялась, а ноги то и дело порывались повернуть обратно, даже тогда, когда они ступили на толстый зеленый ковер, покрывающий лестницу, ведущую на второй этаж.

Миновали пару крепких, мореного дуба дверей, остановились возле третьей.

Открыв ее, детина отступил в сторону и, пропустив Алексея вперед, шагнул следом за ним. Они очутились в маленьком полутемном вестибюле. Единственное окно было затянуто тяжелой шторой, а свет шел от лампы, горевшей под образами.

Детина плотно прикрыл за собой дверь, открыл вторую, и они вошли в следующую комнату, как понял через мгновение Алексей – это был кабинет хозяина.

Почти все пространство вдоль стен занимали массивные шкафы, забитые толстыми фолиантами. И, судя по блестящим позолотой темным корешкам, а также нескольким томам с причудливыми бронзовыми и серебряными застежками, которые лежали поверх фолиантов, книги были старинные, дорогие. И вряд ли часто извлекаемые со своих мест.

У окна, прикрытого точно такой же, как в вестибюле, плотной шторой, стояло широкое кресло, также теплилась под образами лампада, воздух был спертый, налитый запахами старого дерева, кожи и пыли. К тому же в комнате было очень жарко, вероятно, в доме из-за дождей уже топили печи...

Детина слегка подтолкнул Алексея в плечо, и тот прошел на середину комнаты, с удивлением заметив, что она поворачивает вправо, образуя еще одну комнату, ничуть не меньше первой, но более светлую и уютную. Шкафов здесь не было, а вдоль стен стояли низкие турецкие диваны с полосатыми валиками и множеством вышитых яркими цветами подушек. А пол укрывал толстый и столь же яркий турецкий ковер.

В конце комнаты открылась дверь, и на пороге появился коренастый, грузный человек, лет пятидесяти, в коричневом стеганом халате, с фигурными из ярко-желтого шнура петлями. Таким же шнуром были обшиты обшлага рукавов, и из него же связан пояс халата. В буйных, с едва заметной проседью, рыжеватых кудрях вошедшего почти затерялась турецкая феска, а под курносым носом расположились скобкой усы, в дебрях которых Алексей разглядел толстую заморскую сигару.

Мужчина опирался на костыли. Выставив вперед правую, укутанную в клетчатый шерстяной шарф ногу, он на мгновение замер на пороге, окинул Алексея и слугу суровым взглядом и молча проковылял к высокому креслу, притулившись к небольшому письменному столу красного дерева, который Алексей поначалу не заметил.

– Никодим Корнеевич, – метнулся к нему лакей, вытянув перед собой руки, словно пытался подхватить впервые делающего шаги дитя.

– Отойди! Не мешай! – буркнул сердито Кретов, а это был, без сомнения, он, и, перехватив костыли одной рукой, достаточно ловко устроился в кресле, вытянув вперед больную ногу.

Лакей принял у него костыли и поставил их по обе стороны от кресла на расстоянии протянутой руки.

Алексей стоял и наблюдал за происходящим.

Кретов откинулся на спинку кресла, вынул изо рта сигару, взял со стола узкий нож, обрезал ее с двух сторон, вернул сигару на прежнее место и посмотрел вопросительно на лакея.

– Из полиции, – кивнул тот на Алексея и поднес спичку к хозяйской сигаре. Затем затушил спичку о дно пепельницы и уточнил: – От Тартищева.

На это Кретов ничего не ответил, лишь затянулся сигарой, выпустив в воздух струю горьковатого дыма. Лакей ловко подставил Алексею жесткий венский стул и, когда тот сел, почти неуловимым движением выхватил у него из рук шляпу и трость.

Только тогда Никодим Кретов вынул сигару изо рта и, зажав ее между толстыми, словно баварские колбаски, пальцами, откашлялся и низким голосом произнес:

– Принеси выпить, Данила! – и посмотрел на Алексея: – Водку пьешь?

– На службе не пью, – ответил он. – Здесь я на службе.

Кретов хмыкнул, окинул его тяжелым взглядом и спросил:

– Тартищев где?

Алексей пожал плечами:

– Федор Михайлович не докладывает мне о своих занятиях. Но он велел извиниться, что не смог прибыть по вашей просьбе из-за чрезмерно важных дел.

– Знаю я эти дела, – пробурчал Кретов. – Слишком нос дерет ваш Федор Михайлович. Мне его фокусы давно известны. Если б я ногу не сломал, шиш бы он тебя сюда направил. Пришлось бы на Тобольскую в ваш желтый дом самолично тащиться. – Он отбросил сигару и, скривившись, уставился на Алексея. В течение минуты он тщательно обследовал его взглядом и, видимо, остался недоволен, потому что морщился еще сильнее. – Зелен ты больно, – сказал он после паузы и вздохнул. – А дело серьезное...

Алексей промолчал, ожидая продолжения.

Кретов вновь окинул его тяжелым взглядом, пожевал нижнюю губу точно так же, как это проделывала Анфиса, и это было пока единственным сходством между отцом и дочерью, но в равной степени и с той теткой, на которую Алексей загадал желание. Общего с Никодимом Кретовым у них было немного – всего лишь курносый нос да рыжеватые волосы. А вот глазки у купца были и вовсе крошечные, вдобавок скрывались под толстыми, в три складки, веками. Что же касается остальной родни на портретах, то глаза у них были большими и слегка выпуклыми, как у бесстыжей дочери Никодима Корнеевича.

– Когда Тартищев венчается? – неожиданно спросил Кретов.

– В октябре, – удивленно посмотрел на него Алексей.

Кретов крякнул и пристукнул кулаком по столешнице.

– Обскакал меня здесь Федор Михайлович, ох обскакал! Такую кралю себе отхватил!

– А что же вам помешало ее отхватить? – весьма вежливо справился Алексей.

– Не твоево ума дело! – рассердился Кретов и сжал руку в кулак, отчего костяшки пальцев побелели. – Шибко зелен еще, чтоб подобные вопросы задавать! Я, может, год вокруг Анастасии Васильевны ходил, все примеривался, с какого бока подступиться, а он раз, без всяких церемоний... И смотри-ка, даже венчаться надумали!

– Вы *этой* вопрос хотели с Федором Михайловичем обсудить? – продолжал добираться до сути Алексей.

– Нет, не этот! – рявкнул Кретов и недовольно насупился. – Пришлют сосунков, никакого у них уважения к старшим. Так и прут напролом, так и лезут с вопросами!

– Никодим Корнеевич, я убедительно вас прошу изложить свой вопрос, – подчеркнуто сухо произнес Алексей, – я хотя и сосунок, но поблажек по службе не имею. Федор Михайлович отвел на мой визит не более двух часов. Поверьте, у нас слишком много работы, чтобы позволить себе распорядиться служебным временем по собственному усмотрению.

– Ишь ты как загнул, – усмехнулся Кретов, – служебное время... по собственному усмотрению... Можно подумать, что у меня амбар времени и делами своими я не занимаюсь. Шалишь, брат! Всякому разговору свое время! Вот скажи, Анфиска моя к тебе приставала?

– Анфиска? – Алексей сделал удивленное лицо. – Какая еще Анфиска?

– Ну, значит, приставала, – покачал головой Кретов, – вот же несносная девка. Уже однажды замуж сходила, мужика под кресты уложила, а теперь нового подавай. Ты смотри, она только с виду дура душой, а так на любого верхом сядет да еще аллюром по кочкам пустит.

– Но я как-то... – Алексей пожал плечами, чувствуя, что краснеет. – Я не...

– Да ладно тебе, – неожиданно добродушно рассмеялся Кретов, – не бери в голову. – И тут же заинтересованно посмотрел на него. – Что покраснелся? Али прежде бабы на тебе не висли?

– Дело не в этом, просто я...

– А то женись на Анфиске, – перебил его Кретов. Маленькие глазки весело блеснули. – Я приданое хорошее дам, а помру, все тебе отойдет, конечно, если Анфиска вусмерть не заедит. Шальная она у меня!

– Простите, Никодим Корнеевич, но в ближайшие пять лет я жениться не собираюсь.

– А ты не зарекайся, – усмехнулся Никодим Корнеевич, – выходит, не встретил еще свою зазнобу. А как встретишь, так про клятвы и обеты даже не вспомнишь, да и про свою службу наверняка забудешь!

– Обычно я не бросаюсь словами, – вздернул подбородок Алексей, – и к тому же я сюда пришел не обсуждать мои планы на будущее, а по другому поводу. Мне поручено выяснить, что вас тревожит и почему вы решили обратиться в полицию!

Кретов, набычившись, несколько раз пыхнул сигарой, потом зажал ее между пальцев и погрозил Алексею:

– Но-но, указывать мне вздумал! Щенок!

Алексей молча поднялся и направился к двери.

– Ты что? – опешил купец. – Куда это лыжи наострил?

– Видимо, Федор Михайлович неправильно вас понял, – повернул голову, приостановившись, Алексей, – если вам некому показать свой дурной нрав, то определитесь с этим как можно скорее. А вымещать свою злость на чинах полиции не советую. Так ведь и в «холодную» загреметь недолго за оскорбление официального лица при исполнении им служебных обязанностей.

Никодим Корнеевич побагровел и некоторое время ловил воздух открытым ртом, а потом со всего размаху опустил кулак на столешницу и рывкнул:

– Ах, так тебя разэтак, молокосос! Кого учить вздумал! Вертайся назад и слушай, что я тебе скажу!

Алексей в упор посмотрел на разгневанного купца.

– Я вернусь и выслушаю вас только в том случае, если вы прекратите на меня орать и обзывать молокососом. И учтите, из отведенных мне на разговор с вами двух часов целых тридцать минут ушли на пустое выяснение отношений и ваши крики!

Кретов озадаченно посмотрел на него, покачал головой и неожиданно миролюбиво произнес:

– Ладно, чего уж там! Ты еще не слышал, как по-настоящему орут-то. Курыдохнут, если в душу-мать рывкну! Проходи давай. – Никодим Корнеевич махнул рукой, указывая на покинутый гостем стул. – Разговор у меня долгий, дай бог в отведенное время уложиться, – и, рас-

смеявшись, подмигнул Алексею. – Уважаю все-таки Федора Михайловича. Знает, кого мне подсылать, – и вновь рассмеялся.

Алексей молча вернулся на свое место и выжидательно уставился на хозяина. Тот поворочался в кресле, кряхтя и ворча что-то себе под нос, повозил по ковру больной ногой, устраивая ее поудобнее, наконец вымолвил:

– Я бы это дело сам расхлебал, да вишь – ногу сломал неделю назад. Доктора говорят, не меньше двух месяцев придется на трех ногах прыгать, – кивнул он на костыли, – а мне нонче каждый день дорог. Тебя как зовут?

– Алексей Дмитриевич Поляков, младший агент сыскной полиции, – подал ему карточку агента Алексей.

– Вижу, что младший, – вздохнул Кретов, – но гонору уже на старшего хватает. Далеко пойдешь, если не сломают.

Из-за угла комнаты вынырнул с подносом в руках невозмутимый Данила в черкеске. На подносе в серебряном ведерке со льдом лежала прикрытая влажной салфеткой бутылка водки, стояли две хрустальные стопки и деревянная чашка с замороженной брусникой.

Молча разлив водку по стопкам, Данила обернул ведерко со льдом салфеткой и, поклонившись, так же молча удалился. Хлопнула дверь кабинета, и Алексей остался наедине с его хозяином.

– Давай не стесняйся, – предложил Кретов, – хороший зачин в любом деле нужен. – Он поднял стопку и одним глотком опорожнил ее. Затем захватил из чашки пригоршню брусники и отправил ее в рот. Темные ягоды осели у него на усах, просыпались на грудь. Не глядя, Кретов смахнул их багровой от сока ладонью, обтер ее о халат и с удивлением посмотрел на Алексея. – Чего капризничаешь? Пей, тебе говорю!

– Зачем повторять дважды, – вежливо ответил Алексей, – на службе я не пью.

На самом деле он уже пожалел, что отказался, не из-за водки, нет. Слюна потекла из-за брусники, запотевшей в тепле, крупной, багровой, с беловатым бочком, подернутой подтаявшим снежком. Видно, только что с ледника подняли. Он прямо-таки ощутил и этот колючий ледок на языке, и кисло-сладкий, с едва заметной горчинкой сок, который так и брызнет в рот, стоит сдвинуть ягоду зубами...

Кретов с досадой посмотрел на него, сунул руку за пазуху, вытащив оттуда измятый конверт, и помахал им перед носом Алексея.

– Вчера я получил очередное подметное письмо, в котором мерзавцы требуют с меня уже триста тысяч рублей, а если я не выполню их требования, то сожгут мой пароход «Амур», а «долг», как они называют, возрастет до трехсот пятидесяти тысяч.

– Так вы действительно должны кому-то?

– Никому и ничего я не должен! – Купец в сердцах отбросил конверт. – Мне должны, и много, но все в разумных пределах. Я своих должников не жму и тем более не шантажирую. И поэтому ума не приложу, кто эти негодяи и с какой стати они вздумали играть со мной в кошки-мышки!

– Вы сказали, что получили очередное письмо. А когда было первое и что в нем говорилось?

– В начале марта. Кажись, пятого числа, – наморщил лоб Кретов. – Ну да, пятого! Макар – охотник мой – еще прискакал с заимки, говорит, волки совсем одолели... Ну да это к делу не относится! – махнул он рукой. – Только в тот момент, когда Макар мне про волков докладывал, и принесли то, первое письмо. Я его прочитал и в ключья изодрал, только через три дня, это такой срок мне определили, заимка-то и сгорела, Макар едва успел выбраться. К собакам сучку подпустили, она их в лес увела, а избу хворостом обложили, полыхнула сразу со всех сторон, а через день, для острастки, видно, еще петуха пустили. Сгорели сеновал с сеном и два стога.

– И что же? Вы заплатили эти деньги?

– Еще чего! – побагровел Кретов. – Накося выкуси им, а не мои денежки, – сложил он приличных размеров кукиш и выставил его в сторону окна. – Я за эти деньги горбатюсь день-деньской, ногу вон сломал, когда деляны лесные объезжал, и какой-то погани ни за что ни про что их отдать? Подарить? Нет уж, ни за какие коврижки!

– Но возможно, стоило заплатить, денег в первый раз они наверняка попросили не так уж много, а неприятностей оттого, что вы не заплатили, произошло больше.

– У меня есть гордость, и я не потерплю, чтобы о меня вытирали сапоги какие-то ублюдки, – произнес сердито Кретов.

– На это и был весь расчет. Вы станете гордиться своей неуступчивостью, а они – раскатывать вас на все большие и большие суммы.

– Кишка тонка, – буркнул Кретов.

– Хорошо, давайте тогда уточним: сколько всего было подметных писем и чем конкретно угрожали вам неизвестные злоумышленники? – сдался Алексей, понимая, что упрямства у Кретова никак не меньше, чем гордости.

– Это – пятое! – кивнул на конверт Кретов и прижал его ладонью. – Начинали с пятидесяти тысяч, теперь обнаглели до такой степени, что требуют уже триста. – Он болезненно скривился. – По правде, убытков они мне нанесли уже тысяч на сто, если не больше. Сам посуди, – он принялся загибать пальцы, – заимка и сено сгорели ясным пламенем, затем санный обоз с продуктами и мануфактурой для прииска под лед спустили, после лавку со всем товаром на «Неожиданном» запалили. Саму-то лавку отстояли, но товар тысяч на двадцать весь попортился, а полмесяца назад баржу с лесом керосином облили, три дня костром горела. Теперь поперек реки один скелет торчит. Да еще рыбный обоз по дороге раскатали. Днища у бочек выламывали и соленую рыбу на землю вываливали. Я через неделю на том месте побывал. Вонюща, скажу тебе, несусветная, мухи глаза выбивают! – Он яростно оскалился и с силой ударил кулаком по столешнице, так что подпрыгнули пепельница и малахитовый письменный прибор. – Я их сам, как эту рыбу, по земле раскатаю и мухам жрать оставлю!

– Вы кого-то подозреваете? – спросил Алексей.

– В том-то и дело, что нет, – посмотрел Кретов исподлобья. – Ума не приложу: кому это надо? Если б не нога, – проговорил он тоскливо, – я бы эту нечисть из-под земли бы вырыл и в ту же землю урыл! Видел Данилу? У меня таких орлов две дюжины! Вмиг любому голову свернут!

– Что ж тогда позволили обозы разгромить, если у вас такая сильная охрана? – осторожно справился Алексей.

– Да кто ж знал, что они на подобную мелочовку позарятся? – удивился Кретов. – Мои орлы золото да серебро охраняют, когда его с приисков везут. Там даже мышь не проскочит, не то что варнаки какие!

– И все же их должны были видеть возчики, сторожа... Просто так вы же обозы не выпускаете? И на прииске люди кругом. Неужто никто ничего не заметил?

– Да заметили, чего не заметить! – махнул рукой Кретов. – Сторожа рассказывали: пять человек видели, а по кустам еще с десятков, не меньше, пересвистывались.

– Рассказывать они умеют, – усмехнулся Алексей, – тем более со страха что только не покажется.

– Я понимаю, – вздохнул купец. – Я и сам бы так подумал, но сторожа-то разные, а показывают одно и то же: пять человек нападают, а остальные по кустам хоронятся, подходы охраняют.

– А какие-то особые приметы жуликов запомнил кто-нибудь?

– Да что там за приметы? – пожал плечами Кретов. – Крепкие, здоровые все, один, правда, роста небольшого, а остальные, говорят, моему Даниле под стать. На лицах маски черные, и одеты все как один в синие армяки и ичиги из оленьей кожи, а зимой в нагольные полу-

шубки и сапоги на овчине. Вооружены пистолетами и саблями, чтобы лошадям построжки рубить. Людей не трогают, уложат всех мордой в землю, кушаками руки свяжут, и все.

– Что ж вы раньше в полицию не обратились?

– А, – скривился в пренебрежительной ухмылке Кретов, – все равно не найдете. Я и сейчас к Тартицеву обратился по старой памяти, по молодости он меня часто выручал, когда по пьяни, бывало, «под шары» попадал. Если б ногу не сломал, ни в жизнь бы с полицией не связался!

– И что вы от нас тогда хотите?

– Чтоб всенепременно нашли этих жиганов! – Кретов откинулся головой на спинку кресла и обвел Алексея фамильным оценивающим взглядом. – Возьмись-ка ты, Алексей, за это дело, а? Я отблагодарю...

– Это не я решаю, но передам Федору Михайловичу ваши пожелания.

– У вас в полиции все такие зануды? – справился Кретов. – Я в твоём возрасте водку графинами пил и по три бабы в ночь любил.

– Каждому – свое, – усмехнулся Алексей и поднялся со стула. – Позвольте раскланяться. Время, отведенное мне на визит, уже на исходе. Уверяю вас, что изложу ваше дело Федору Михайловичу во всех подробностях. И ему решать, кто на самом деле им займется.

– Ну что ж, бывай! – кивнул ему Кретов и крикнул: – Данила, проводи гостя! – И когда тот появился на пороге, перекинул Алексею конверт: – Забери, авось что разглядите вместе с Тартицевым...

Уже минуя ворота, Алексей оглянулся. На одном из окон второго этажа дернулась штора, и ему показалось, что мелькнуло зеленое платье. Он пригляделся. Анфиса, прикусив платок зубами, наблюдала за ним. Некоторое время они поседали друг друга глазами. Анфиса не выдержала первой. Злобно рванув платок изо рта, она отскочила в глубь комнаты. Следом на окно опустилась тяжелая штора. Усмехнувшись, Алексей шагнул за ворота.

Глава 3

– Что-то мне здесь непонятно, – произнес задумчиво Тартищев, разглядывая измятый конверт с подметным письмом Никодиму Кретову. – Слухи, что теребят купчилу, до меня и раньше доходили, но он помалкивал, а мы не настаивали. Зачем нам лишние заботы, если он сам о себе не тревожится. Но, видно, славно припекло, если к нам за помощью бросился. И не нога здесь причиной. Что ему мешало при здоровой ноге с негодяями расправиться? Нет, здесь гораздо серьезнее. Почувствовал Никодим Корнеевич, что жареным запахло, вот и послал за нами. А сломанная нога – повод, чтобы мы его в слабости не обвинили.

– Так, может, это Каленый шалит? После нашей облавы он на Каинск ушел. На него похоже подметные письма подбрасывать. Помните, он пол-Серафимовки сжег, когда тамошний урядник двух его паскудников в «холодную» посадил? – предположил Вавилов.

– Нет, вряд ли Каленый, – покачал головой Тартищев. – Я и сам поначалу так думал. Потом смотрю, здесь совсем другое дело. Выборочно работают разбойнички. Получается так, что нападают только на обозы Никодима Кретова, причем не забирают товар, а стараются уничтожить его, словно мстят ему за что-то. Но кто бы это мог быть? Мы с исправником уже обсуждали этот вопрос, но он велел мне не суетиться, пока Кретов сам не обратится в полицию за помощью.

– Да, похоже на месть, – кивнул головой Вавилов. – Но как же крепко надо было насолить кому-то Никодиму Корнеевичу, чтобы этот неизвестный решился создать шайку и пойти на разбой. Неужто он кого разорил?

– Ну это у них в порядке вещей, – согласился Тартищев, – но, если мы начнем выявлять всех обиженных Кретовым людей, нам жизни не хватит докопаться до истины. – Он пододвинул к себе карту Североеланской губернии и обвел карандашом достаточно большой участок территории на юге. – Это – Тесинский уезд, где и происходила большая часть нападений. Здесь находится основная часть лесосек и лесопилок, которые принадлежат братьям Кретовым. Но ими управляет не Никодим, а родной ему только по отцу брат, Михаил Кретов. В его ведении находятся также золотые рудники «Неожиданный», «Благодать» и небольшие серебряные копи в Ерзинской тайге.

– Это ведь участок, который у нас Егор Зайцев обслуживает? – справился Вавилов. – Помните, Федор Михайлович, того урядника, что самолично Петруху Медведева взял? И Хролу грудь тоже он прострелил... Варнаки его пуще огня бояться. Надо непременно с ним встретиться. Наверняка он что-то знает.

– Думаешь, ты самый умный? – с ехидной усмешкой посмотрел на Вавилова Тартищев. – Беседовали уже с твоим Зайцевым и исправник, и я два раза. Он тоже в недоумении. Разбойники после себя никаких следов не оставляют, и по округе ровно никаких слухов, кто бы это мог быть. Сотворяет дело и исчезают, как в омут ныряют.

Вавилов поскреб в затылке и протянул руку к конверту:

– Давайте посмотрим, что там внутри, Федор Михайлович!

– Что ж, посмотрим. – Тартищев достал из конверта лист дешевой бумаги и приблизил его к глазам. Алексей и Вавилов вытянули шеи, стараясь разглядеть слова, написанные печатными буквами с легким наклоном.

– Ничего особенного, – вздохнул Тартищев и протянул бумагу Вавилову. Тот впился в нее глазами, Алексею пришлось заглядывать через его плечо.

«Принеси самолично триста тысяч в городской сад 12 августа ночью и спрячь под камнем, что стоит у фонтана. Не принесишь – сожжем «Амур». Ты нас знаешь. А долг станет триста пятьдесят тысяч!»

Судя по всему, записку писал грамотный человек, получивший неплохое образование. Алексей не заметил ни одной ошибки, а каждая буква была выписана с любовью, но без вензелей и завитушек, только вместо точек стояли идеально вырисованные кружочки, абсолютно одинаковые по величине.

Вавилов прочитал ее вслух, понюхал бумагу и даже посмотрел на просвет, затем вернул Тартищеву.

– Ну и что это нам дает? – Тартищев окинул своих агентов недовольным взглядом. – Придется устраивать засаду, авось поймаем птичку в сети. Но не думаю, чтобы жулик при таком почерке оказался простофилей. Наверняка все подходы к камню будут под наблюдением, а за деньгами направят какого-нибудь босяка. Дескать, надобно письмо любовное тайно забрать... – Он вытащил из кармашка жилета брегет и посмотрел на него. – Двенадцатого августа... ночью... Точное время не указано. Это может быть и сегодня после полуночи, и завтра до полуночи. И наверняка мерзавцы за домом Кретьева слежку установили.

– Вряд ли за деньгами они пошлют босяка, – покачал головой Вавилов. – Триста тысяч. Такими деньгами они рисковать не станут. Непременно своего человека отправят. А остальные где-нибудь в стороне будут ожидать или на хате. Можно наблюдение по всей округе выставить, чтобы проследить, кто околачивается поблизости или куда посыльный с этим пакетом направится.

– Нет, тут целая прорва людей нужна, а времени у нас в обрез, так что рисковать нельзя! – Тартищев опять посмотрел на часы. – Надо спешить! Пять часов до темноты осталось, а нам еще нужно пакет с деньгами приготовить. И ты по старой памяти этим займешься, – Федор Михайлович подмигнул Ивану и перевел взгляд на Алексея, – а мы подумаем, как тот камень обложить, чтобы птичка влетела, но назад не вылетела.

– Выходит, будем брать того, кто придет за деньгами? – уточнил Алексей.

– Попытаемся, – махнул рукой Тартищев и строго посмотрел на Алексея. – Никогда не гадавай наперед, иначе не сбудется.

– Темно больно, – с сожалением произнес Вавилов. – У фонтана ни одного фонаря. Специально, мерзавцы, глухое место выбрали. И подходы все просматриваются. Засаду можно устроить только в кустах у забора. А они низкие и редкие. За версту наших углядят.

– Встретить мы его встретим за забором, чего в кустах без толку сидеть, – сказал Тартищев. – К этому времени деньги у него будут на руках. Обложим его кольцом, никуда не денется!

– А что потом?

– А потом – суп с котом! – рассердился Тартищев. – Нужно так его взять, чтобы он от неожиданности дар речи потерял. И в мгновение ока растряссти его на признание. Кто? Что? Где? Когда?

– Ну а если все-таки случайный человек за деньгами придет? – спросил Алексей.

– Не придет, – буркнул Тартищев, – а если придет, то непременно поблизости кто-то из шайки отираться будет. Так что ночью сегодня всем спать не придется. – Он потер ладонью шрам на лбу. – Хорошо, если только этой ночью... – И посмотрел на Вавилова. – Ну что, господин Кулибин, давай думай: что смастерить, чтобы посланца в обморок уронить?

– Да я уж вроде придумал, – тот с ухмылкой посмотрел на Тартищева, – такого мы еще не делали.

– Что там еще? – Федор Михайлович потер ладони. – Говори, вижу, терпения нет.

– Прежде всего мне нужна веревка... – начал Иван.

* * *

Иван и Алексей поднимались вверх по мощенной булыжником улице Озерной, которая выводила к китайскому кварталу, прозванному в Североеланске «Шанхаем», вероятно,

в силу скученности его населения, обилию лавочек с китайскими товарами и несколькими полулегальными опиумокурильнями. Иногда полиция устраивала в «Шанхае» облавы, задерживала нескольких содержателей притонов и подпольных борделей, где предлагались чисто азиатские, неподвластные российскому уму утехы для клиентов и потому расценивались как самый непотребный разврат. Но через несколько дней задержанные благополучно покидали «арестантскую» и возвращались к своим весьма прибыльным делам. По слухам, сам губернатор не гнушался пригласить в свой дом за городом смуглых розовощеких китайцев, чтобы помассировали они его начинающее стареть тело, умаслили его благовониями, а слух нежными песнопениями.

Так что «Шанхай» продолжал жить своей жизнью, особенно шумной и кипучей в ночное время, когда ни один полицейский не смел сунуться туда в одиночку. По темноте здесь то и дело вспыхивали перестрелки, невероятный сброд переполнял грязные улицы и трактирчики, размалеванные китайки из срамных домов цеплялись к прохожим на каждом углу, семена за ними маленькими, исковерканными в детстве ногами. Шуршали под ногами циновки притонов, а в быстрых пальцах пачки ассигнаций... Нарасхват шли тибетские рецепты от дурных болезней, и тут же за ширмой китайский лекарь срывал с зубов золотые коронки в уплату карточного долга, стлался сладкий дым опиумокурилен.

Но в дневное время в китайском квартале было тихо и мирно, все лавочки стояли с широко открытыми дверями, а с порога низко кланялись и умильно улыбались узкоглазые владельцы в неизменных шелковых халатах и в круглых черных шапочках на головах: «Мадама, заходи! Капитана, заходи! Моя товара лучше всех! Шибка харёсий товара!» И заходили, и покупали. В китайских лавчонках всегда можно найти то, что тебе на сей момент нужно просто позарез. Вот поэтому Алексей с Иваном и отправились в китайский квартал. Им как раз позарез нужны были реквизиты, с помощью которых Вавилов собирался устроить небольшой спектакль возле фонтана.

Солнце зависло над вершиной горы Кандат, когда они миновали табачную фабрику, за которой и начинался «Шанхай». Над ней стоял забористый махорочный запах, от которого першило в горле и свербило в носу. Чихнув пару раз, Вавилов вытер заслезившиеся глаза:

– У меня батя самосад курил. Убойный! Он его самопалом называл и в подвале для крепости томил. Это чтоб свет не попадал... Так я его с пятнадцати лет смолил и ни разу не чихнул. А здесь точно сглазил кто. Как мимо пробегаю, дюжину раз чихну! Слабею, что ли? – Он закашлялся и прикрикнул на Алексея: – Давай живее! – Он вдруг прервался и прошептал: – Смотри, Анфиска! Дочка Никодима!

Но Алексей уже и сам заметил двухколесную повозку с длинными оглоблями, которую тащил здоровенный жилистый китаец в низко надвинутой на глаза соломенной шляпе, синей рубахе из грубой далембы⁸ и широких штанах, едва достающих ему до щиколоток. На ногах у китайца были веревочные сандалии с деревянными подошвами, которые звонко шлепали его по пяткам.

Анфиса была вся в черном, даже шляпка – черная, с густой вуалью, закинутой на букетик желтых искусственных цветов на полях – единственно яркое пятно, но оно не украшало, а лишь сильнее подчеркивало и бледность щек, и длинный нос их владелицы.

– Опять опий ездила курить, паршивка! – покачал головой Вавилов, провожая взглядом странного возницу и его застывшую, как изваяние, пассажирку. – Рикша – ее лакей. А говорят, еще и любовник. С нее станется. Спит со всем, что движется. И с рикшей своим желтопузым, и с садовником, а по зиме нашла себе девку. Та вся в черной коже ходила и с хлыстом. Немка, что ли, была. По-русски ни бельмеса. Рыжая, жилистая. По обличью мужик и мужик. По весне

⁸ Дабa, далемба – грубая хлопчатобумажная ткань.

напилась и под лихача попала. После этого Анфиска себе рикшу и завела. А он ее приучил опий курить.

– Ты прямо чудеса какие-то рассказываешь, – улыбнулся Алексей, – неужто Никодим Корнеич управы на нее не найдет?

– Да про их баталии весь город знает! Никодим ревет, а она на него визжит так, что вся округа разбегается. Замужем она была за владельцем канатной фабрики Коростылевым. Купец он был солидный, но в наших местах новый. Поэтому и не расчихал, что к чему. Наверняка думал: страшная, зато богатая. И в дальних поездках спокойнее будет, кто ж на такую крокодилу позарится, пока он в отлучке. Никодим даже не скрывал, что шибко радовался, когда Анфиску за него спихнул. Приданое приличное дал, чтобы скорее от любимой дочурки избавиться. Только, – Иван мелко захихикал и затряс головой, – ей что шло что ехало. Замужем ли, холостая – без разницы! Не успеет Корнила Матвеевич за порог ступить, как вокруг нее кавалеров – точно мух на коровьей лепешке.

– Отчего у нее муж умер?

– Утонул он прошлой зимой на Байкале. Вроде как сани под лед ушли. Пурга была сильная, не успели спасти. Анфиска после его смерти развернулась. Все мужнино состояние чуть ли не в одночасье в карты спустила, дом заложила и на папенькины хлеба вернулась. А у него с ней никакого ладу. Скандалят сто раз на дню. Никодим ног под собой от счастья не чувал, когда она свою половину отгородила. Опять стал ей жениха подыскивать. Но местных даже на богатое приданое не заманишь. Никто с этой оторвой связываться не хочет.

– А что ж тогда она мне заявила, что по улицам не гуляет? Я чуть было ее не пожалел. Думал, это свирепый папенька ее взаперти держит по какой-то причине.

– Удержишь ее, как же! – Иван сплюнул себе под ноги. – А по улице она и вправду не ходит, – он весело подмигнул Алексею, – да и зачем ей ходить, если собственный выезд имеется, – кивнул он в сторону удалившейся с их глаз парочки.

Они миновали еще несколько столь же кривых и грязных улочек, и Иван показал Алексею на низкое здание с узкими окнами. Изнутри их закрывали бамбуковые жалюзи, а над крыльцом висел расписанный иероглифами грязно-розовый бумажный фонарь.

– Вот отсюда Анфиска и ехала, – пояснил Иван, он вопросительно посмотрел на Алексея. – Давай в чайную зайдем, перекусим.

В грязной чайной, в которой они заказали себе горячего соевого молока и зеленого чая с пампушками, народу было немного. В углу тщедушный китаец при помощи палочек расправлялся с лапшой, неподалеку двое оборванцев руками запихивали в рот серое месиво – вареную чумизу, сдабривая ее соевым соусом и запивая ханшином. Воняло чесноком, застоявшимся перегаром и горелым маслом, на котором жарились свиные ребрышки и уши, любимое лакомство местных обитателей.

Алексей с интересом огляделся и поймал взгляд еще одного посетителя чайной, который сидел на корточках у самого порога, прикрывшись рваной дерюжкой, из-под которой торчала его голова с неременной сальной косицей и тощие, обтянутые выцветшей дабой колени.

Заметив взгляд Алексея, он вскочил на ноги и, беспрестанно кланяясь и по-собачьи преданно заглядывая в глаза, зашебетал по-воробыному звонко и быстро:

– Капитана, мала-мала чохи⁹ ю?

– Ю, ю, – отозвался вместо Алексея Иван, – что надо?

Китаец радостно затряс головой, а глазки-щелки совсем затерялись в складках морщинистой грязно-желтой кожи.

– Поехали кабак, голый папа смотри... Папа ходи так-так, – вскидывая костлявые ноги, китаец припустил по кругу, растеряв при этом сандалии.

⁹ Мелкая китайская монета с дыркой.

Алексей вытаращил глаза. Вавилов, заметив его изумление, рассмеялся.

– Какой к дьяволу «папа»? Букву «б» стервец не выговаривает! – Он грозно посмотрел на китайца и рявкнул: – Отвяжись, вражье семя!

Алексей расхохотался. Иван вторил ему, вытирая выступившие на глазах слезы тыльной стороной ладони. Просмеявшись, он вытащил из кармана жилета часы, глянул на них и деловито произнес:

– Побежали уже!

Они вышли из чайной. Солнце спустилось к дальним горам, окрасив тайгу в разнообразные оттенки желтого цвета. Словно огромный ковш расплавленного золота плеснули и на старый пихтач, и на редкие кедровые куртины, выделявшиеся на фоне темного глухолесья светлой зеленью пышных крон. Они пошли быстрым шагом в гору.

Затем повернули налево и остановились перед убогой лавчонкой, чье крыльцо ушло в землю от старости. Иван окинул ее внимательным взглядом и весело сказал:

– Вот сюда нам и надо!..

И они спустились в ее глубины.

Глава 4

Черная, как мантия фокусника, ночь накрыла Североеланск. Звезды, будто подобранные на заказ, крупные и яркие, мерцали и перемигивались между собой, в грош не ставя своих соперников – городские фонари, извечно тусклые и чадившие газом. Иногда одна, а то другая звездочка вдруг срывались с места, устремлялись к земле и, прочертив огненный след, вспыхивали в последний раз и гасли, после чего небо казалось еще темнее, глубже и таинственнее.

Городские шумы постепенно стихли, парк опустел, и лишь неподалеку от Зеленого театра слышны были звуки шаркающей по дорожкам метлы дворника, и его сердитое бурчание, и тяжелые вздохи. Вечером в театре был аншлаг – давали премьеру новой оперетты, затем пили шампанское за приму Елену Барчевскую, за ее изумительный голос и красоту. И конечно же, прорва пустых, частью разбитых бутылок от шампанского «Аи», которые заполонили все подходы к эстраде театра, хорошего настроения дворнику не прибавила.

Вскоре вся труппа в сопровождении поклонников Барчевской загрузилась в экипажи и отправилась кутить в кабинеты на Миллионной улице.

До полуночи оставалось чуть меньше часа, когда к парку подъехала пролетка, из которой выбралась едва стоящая на ногах парочка: высокий кавалер, по виду смахивающий на чиновника средней руки, и его дама – вертлявая девица в вызывающе ярком платье со множеством рюшей на груди и в соломенной шляпке. Дворник проводил их мрачным взглядом. Дама, повиснув на локте своего кавалера, громко и заливисто хохотала, а он, склонившись к ней, изредка бросал короткие фразы, отчего дама и вовсе заходила в смехе и еще теснее прижималась к его плечу. Углубившись в темную аллею, парочка совсем уж по-бесстыжему обнялась, а кавалер, склонившись к даме, отгородился от посторонних взглядов шляпой. Заметив сей галантный маневр, дворник сплюнул и направился в противоположную от поздних визитеров сторону.

Парочка тем временем миновала фонтан и свернула на глухую, упирающуюся в забор аллею. Свет звезд сюда не добирался, теряясь в густых кронах тополей. Дама уже не хохотала во весь голос, лишь иногда тихо взвизгивала и что-то торопливо шептала, на что кавалер ее отвечал не менее быстро и частью взволнованно.

Ближе к полуночи на главную аллею парка въехала черная, блестящая свежим лаком карета. Из нее с трудом вылез мужчина на костылях и, поминутно чертыхаясь, заковылял к фонтану... Через некоторое время он вернулся к экипажу...

Дворник проводил карету взглядом, засмолил сигарку и, подхватив под мышку метлу и совок на длинной ручке, направился к летней читальне. Устроившись на одной из соседних с ней скамеек, он вытащил из-за пазухи початую бутылку мадеры, которую обнаружил на сцене Зеленого театра. Пить пришлось из горлышка, но подобное неудобство дворника не смутило. Минут через десять он принялся насвистывать «Камаринскую» и даже притопывать и прихлопывать в такт изрядно повеселевшим мыслям.

Прошло еще некоторое время. Угас шепоток на укромной аллее. Откинувшись головой на спинку скамьи, умолк дворник... И только ленивый брех собак да жестяной шелест тополиной листвы иногда прерывали тишину и покой августовской ночи.

От реки напознала зябкая сырость, пахло водорослями и лягушками, а с запада накатились вдруг рваной пеленой тучи, и заморосил мелкий дождь. Дворник чертыхнулся и залез под скамью, где вскоре и захрапел, примостив под голову крепкий кулак. Но дождик, так и не пробившись сквозь кроны тополей, прекратился так же неожиданно, как и начался. И, судя по тому, что кавалер с дамой не покинули своего убежища, дождя они даже не заметили...

Где-то вдалеке несколько раз быстро процокали копыта, вероятно, разъезжались последние гости ресторана «Бела-Вю», который находился в двух кварталах от парка. Собачонка

непонятной породы выскочила из кустов, шумно почесала задней лапой за ухом и припустила рысцой по аллее. Добежав до спящего дворника, она некоторое время покрутилась возле него, обнюхала пустую бутылку и шарахнулась в сторону, когда та звонко ударилась о камень и пока- тилась.

Собачонка деловито шмыгнула в кусты и через пару минут объявилась уже у фонтана. Доли секунды она сновала у его подножия... И вдруг громкий хлопок, а следом оглушитель- ный взрыв слились в одно с истошным собачьим визгом. Собачонка сиганула в кусты. А над фонтаном взметнулись вверх один за другим четыре огненных столба и рассыпались с треском и шипением на множество ярчайших звезд и звездочек, расцветив небо великолепным фей- ерверком.

Из-под скамьи выбрался очумевший дворник и, схватив лопату наперевес, бросился к фонтану. Из кустов выскочила дама. Высоко подхватив юбки, так, что стали видны длинные голенастые ноги без чулок, она рванула следом, на два корпуса обошла дворника и остано- вилась напротив груды кирпичей. Их незадолго до наступления сумерек привезли и сгрузили с телеги два мрачных мужика в грязных армяках.

Чаша фонтана явно нуждалась в ремонте. Мужики обошли ее несколько раз и попинали ногами, проверяя на прочность старую кладку. Она не поддалась, но отвалились несколько кусков штукатурки. Мужики задумчиво покачали головами и уехали. Но даму интересовала как раз куча кирпичей. Именно оттуда взлетели в небо столбы огня, оставив после себя силь- ный запах пороха: кисловатый и едкий.

– Ну, елки точеные, зеленая тайга! – выкрикнула в сердцах дама неожиданно мужским голосом и с досадой посмотрела на подбежавшего дворника. – Вот же сучья порода! Такой спектакль нам провалила! – Она оглянулась на кусты. – Что у тебя?

– Сбежала, шельма! – Кавалер вынырнул из зарослей, отряхнул колени от прилипшего к ним мелкого мусора, сорвал с рукава колючую гроздь репейника и удрученно покачал голо- вой. – Все насмарку!

Дворник подошел к фонтану, пошарил у его основания, достал сверток, завернутый в темную тряпицу, и передал его кавалеру.

– Забирай, теперь это без надобности.

Дама неприлично выругалась, задрала юбки еще выше и, нисколько не тушуясь, потя- нула свой наряд через голову, явив свету мужскую исподнюю рубаху и закатанные выше колен брюки. И голосом Вавилова угрюмо произнесла:

– Начальство на подходе...

Кавалер и дворник дружно оглянулись. От ворот парка стремительно приближался Тар- тищев. Бежал он молча, но троица у фонтана вдруг нервно переглянулась, и бывшая дама обре- ченно пробормотала:

– Определенно полный завал!

* * *

– Может, вам в актеры податься? – ехидно справился Тартищев. И это были первые приличные слова, которые он произнес за те полтора часа, что миновали с момента взрыва петард. – Ишь как складно получилось, дездемоны, мать вашу... – Начальство вновь пере- шло на непечатный лексикон. Алексей посмотрел на Вавилова и вдруг вообразил его белоку- рой красавицей, а Тартищева разъяренным мавром. И так ярко это себе представил, что даже закрыл глаза, чтобы не рассмеяться.

Его приятель с размазанным по лицу гримом и прячущей усы полоской пластыря над губой сидел, понуриив голову, и даже не пытался возражать Тартищеву, хотя, по правде, вовсе не был виноват. Кто ж мог предвидеть, что весь их план взлетит в воздух вместе с китайским

фейерверком из-за блохастой собачонки, в чью пустую голову взбрело вдруг пробежаться по ночному парку?

– Ладно, – вдруг вполне спокойно сказал Федор Михайлович и хлопнул ладонью по столу, словно поставил точку в конце неприятного всем разговора. – Криками и бранью здесь не поможешь! Давайте решать, что дальше делать? Ведь жулики наверняка поняли, что им ловушку готовили.

– Да уж! – произнес тоскливо Вавилов и удрученно покачал головой. – Ведь каждый шаг просчитали, все как по нотам расписали...

– Прекрати сопли пускать! – прикрикнул на него Тартищев и неожиданно миролюбиво добавил: – План твой, Иван, и вправду был замечательный, но глупые случайности порой губят великие дела.

Вавилов поднял голову.

– Купцу сообщили, что ничего не получилось?

– Сообщили, – скривился Тартищев. – Разгневался шибко Никодим Корнеевич. Он ведь ждал, что к утру мы всех жуликов переловим.

– «Амур» уже грузится и вечером в Тесинск уходит, – подал голос Корнеев, так и не снявший фартук и бляху дворника. – Как бы чего не вышло...

– Я не думаю, что кто-то осмелится напасть на пароход у причала. Я еще с вечера договорился с исправником, что он даст команду речной полиции выставить караулы у схода и на самом пароходе, – пояснил Тартищев.

– Надо убедить Кретьова, чтобы усилил охрану парохода на время плавания. За трое суток, что «Амур» будет добираться до Тесинска, всякое может случиться, – сказал Вавилов и посмотрел на Алексея. – Как ты считаешь, жулики успеют что-нибудь предпринять?

Тот пожал плечами.

– Как можно рассуждать о планах преступников, если мы абсолютно ничего о них не знаем? Возможно, они гораздо хитрее и осторожнее, чем мы о них думаем. Нам слишком хотелось, чтобы они появились сегодня, вот они и появились, и вывели нас на чистую воду.

– Ты думаешь? – произнес растерянно Вавилов. – Ты думаешь, собака была неспроста?

– Я ничего не утверждаю! – Алексей снова пожал плечами и снял с сюртука сухую травинку. – Возможно, она просто охотилась на сусликов или вспомнила про кость, которую когда-то закопала у фонтана.

– Прямо-таки она и вспомнила, – проговорил с досадой Корнеев, – вам случайно не кажется, что собачонка натаскана на запах купца? Не зря ж ему велели самолично принести деньги и заложить их в тайник.

– Вполне резонно, – согласился Тартищев, – но почему ж тогда она сперва к тебе подбежала, а не к фонтану?

Корнеев показал в улыбке крупные белые зубы:

– Да не ко мне она подбежала, а к бутылке. Мне ее как раз сам Кретов и дал, когда мы с Потехиным ему объясняли, как себя вести у фонтана, чтобы веревку случайно не задеть. Он молодцом себя повел, все точно, как мы его учили, исполнил. Со стороны я даже не заметил, что на самом деле он ничего в тайник не заложил...

– Вы что ж, вино у него пили? – нахмурился Тартищев.

– Да нет, он пустую дал. Я в нее крепкого чаю налил под цвет мадеры.

– Ерунда все это, – махнул рукой Вавилов, – ты небось так ее залапал, что весь запах купца перебил. Но допустим, что собаку все-таки натаскали на запах Кретьова, тогда выходит, что это сделал кто-то из его близких?

– Из близких, друзей, врагов, соседей, приказчиков, сторожей и еще бездны народа, кто с Кретовым более-менее близко общается! – махнул рукой Тартищев. – Проще пареной репы украсть сапог или штiblеты купца, даже не украсть, а взять на время, на ночь, к примеру,

дать умной собаке хорошенько обнюхать, и она непременно найдет любую вещь с подобным запахом.

Вавилов крикнул и провел ладонью по лицу, еще больше размазав по щекам грим, но не обратил на это ровно никакого внимания. Пятна румян ярко выделялись на покрытом белилами лице, глаза лихорадочно блестели.

Тартищев окинул его взглядом и приказал:

– Все, расходимся по домам! В десять утра общий сбор! Отоспитесь, и на свежую голову обсудим, что нам дальше делать.

Через четверть часа они вышли на улицу. Занимался невзрачный рассвет. Город заволокло туманом. И не успели сыщики сделать первый десяток шагов до поджидавшего их экипажа, как разорвали тишину далекие выстрелы. Стреляли со стороны реки и несколько раз подряд.

– «Амур»? Они напали на «Амур»? – выкрикнул Иван и рванул с губы кусок пластыря. Рванул сгоряча и, зашипев от боли, яростно выругался – часть усов осталась на пластыре.

– Не гони коней! – одернул его Тартищев и прислушался.

Выстрелы не повторились. Но через некоторое время навстречу экипажу, в котором Тартищев и его агенты поспешили к пристани, выехал верховой – рослый унтер-офицер в форме речной полиции. Завидев Тартищева, он спешил и взял под козырек.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие! – рявкнул он во весь голос. – Велено вам передать, что совершено вооруженное нападение на пароход «Амур». Никто не пострадал, только злоумышленникам удалось облить часть груза керосином и поджечь. – Он кивнул головой в сторону, откуда раздавались выстрелы. – Пожар, правда, успели потушить, но самое главное в этом пакете. – Он вытащил из кармана измятый конверт и протянул его Тартищеву. – Никодим Корнеевич велели вам лично передать.

– Он, что ж, на пароходе?

– На пароходе, на пароходе, – согласно закивал головой унтер-офицер. – Говорят, он сразу же после взрыва в парке на «Амур» приехал со всей своей охраной.

Тартищев хмыкнул, достал из конверта листок бумаги и прочитал несколько корявых строк, выведенных рукой не слишком привыкшего к писанине человека.

– Ну вот, – сказал он с досадой и посмотрел на агентов. – Никодим Корнеевич сообщает, что во время драки с разбойниками одному из его сторожей удалось сорвать маску с предводителя. Сторож точно не утверждает, но говорит, что разбойник сильно смахивает на младшего Кретьова – Михаила.

– Еще не легче, – вздохнул Вавилов и поинтересовался: – Они его схватили?

– Предводителя? – уточнил Тартищев. – Нет, не схватили. – И вновь заглянул в бумагу. – Ловкий, негодяй, оказался. Перемахнул через борт – и был таков! Внизу его лодка поджидала...

– Михаил? – удивился Алексей. – Разве он в городе?

– В том-то и дело! – вздохнул Тартищев. – Наш пострел везде поспел, только я думал, что он с актрисами кутит, а оно видишь как получилось. – Он снова вздохнул и приказал кучеру: – Давай на пристань, да поживее!

Глава 5

Длинный белый пароход, шумно ворочая колесами и оставляя после себя черный шлейф дыма, миновал Шалун-камень, за которым река делала крутой поворот, а Североеланск скрывался из виду. Отвесные каменистые сопки, поросшие глухим еловым лесом, нависли над рекой, отчего вода потемнела и сразу же ощутило похолодало.

Над верхней палубой летали цыганские песни, звучали веселый смех и звон бокалов. Там еще до отправления парохода вынесли из ресторана и расставили несколько столиков под пестрыми зонтиками. За ними устроилась шумная компания – гости и друзья Михаила Кретова, следовавшие с ним до Тесинска. В этот вечер всем было велено появиться в азиатских одеждах, на завтра ожидался африканский день, а послезавтра – в последнюю перед завершением путешествия ночь – готовился бал-маскарад, где каждому позволялось появиться в том, в чем его душа пожелает.

Правда, все эти развлечения касались только пассажиров первого класса. Те, кто ехал вторым и третьим, были предоставлены самим себе и лишены хозяйского внимания. И слава богу – слишком уж это внимание смахивало на самодурство. Михаил Кретов щедро поил и кормил своих приятелей и гостей, но взамен требовал полнейшего повиновения и исполнения всех своих прихотей.

Встретиться с Михаилом Алексею не довелось. Тартищев решил, что до поры до времени Кретову-младшему не стоит знать, что его персона заинтересовала полицию. Поэтому, отправляясь в Тесинск на пароходе «Амур», Алексей поставил себе цель не лезть на рожон и держаться подальше от шумной компании и ее забав, то есть вести себя так, как подобает скромному горному инженеру, следующему по делам на железодельный завод.

Поднимаясь на пароход по деревянным сходням, он услышал за спиной непонятный гвалт, оглянулся и увидел несколько экипажей с откинутыми, несмотря на мелкий дождь, верхами. Весело галдящая толпа цыган в разноцветных костюмах, с бубнами, гитарами и скрипками под мышками вывалила из них на набережную.

– Ну опять веселье будет! – подмигнул своему напарнику матрос, проверяющий билеты. – Как бы только кого не пришлось из реки вылавливать. Помнишь, как в прошлый раз?

Матросы весело загоготали.

Цыгане, приплясывая и горлая, приблизились к сходням, и в это время на набережной показалась вишневая с золотыми вензелями карета. Цыгане расступились, а карета подкатила почти к самому краю причала, и из нее вышел крепкий темноволосый человек, в цилиндре и мягких сапогах. Длинный сюртук его был распахнут, из-под него виднелась кумачовая косоворотка, подпоясанная шелковым кушаком с кистями. В руках он держал трость, которую по спирали обвивал золотой узор в виде причудливых, удерживающих друг друга за хвост змеек.

– Хозяин! – враз выдохнули матросы. Подтянувшись и выгнув грудь колесом, они приняли молодцеватый вид, точь-в-точь как у человека на набережной. Помахивая тростью, тот слегка вразвалочку прошелся вдоль причала, затем оглянулся и оглушительно свистнул. Из открытых дверей кареты скользнула огромная полосатая кошка, в два прыжка догнала хозяина и принялась тереться головой о его колени.

Мужчина ласково потрепал ее за шею, подошел к сходням, взялся за веревочные поручни и весело выкрикнул:

– Яшка, песню! – и, ухватив тигрицу за ошейник, быстро взбежал на пароход. Цыгане грянули что-то разудалое и, сопровождая пение ударами бубнов и звуками скрипок, поднялись следом и скрылись на нижней палубе в каютах третьего класса...

Алексей прошел на среднюю палубу. Каюта у него была на двоих, но он откупил ее полностью, справедливо полагая, что чем меньше пассажиры парохода будут знать о его личной жизни, тем легче будет выполнить задание, которое поручил ему Тартищев...

* * *

– Но у него полнейшее алиби, – сказал устало Тартищев и отхлебнул остывший чай из стакана в серебряном подстаканнике. – Всю ночь они кутили в Кавказских кабинетах, ели шашлыки и пили кахетинское, да еще купали певиц в шампанском. Владелица русского хора это подтвердила. Она сама отвозила барышень на ужин по заказу вашего брата, Никодим Корнеевич. Ко всему прочему, в пятом часу утра, за полчаса до нападения на пароход, в одном из кабинетов случилась драка между близким приятелем вашего брата Драповым и актером Ферапонтовым. Михаил лично их разнимал, при этом многие из гуляющих присутствовали и утверждают, что после примирения он в компании тех же Драпова и Ферапонтова вернулся к себе в кабинет. Там его дожидались две певицы, с которыми они затянули «На Муромской дорожке», а через полчаса Михаил заказал в ресторане омаров и затолкал одного из них за шиворот Глафире Зазнобовой, – Тартищев прищурился и сверился с записями на листе белой бумаги, – да, затолкал ей за шиворот... Ваш брат сильно рассердился, когда Зазнобова отказалась петь перед его гостями в неглиже... – Он поднял глаза на Никодима Кретова, восседавшего перед ним в одном из кресел пароходной кают-компания. – Вот полный расклад похождений вашего младшего братца в ночь нападения на пароход «Амур».

– Получается, что сторож ошибся? – Кретов смерил Федора Михайловича мрачным взглядом.

– Выходит, ошибся, – подтвердил Тартищев и вздохнул. – Утро только занималось, туман, суматоха...

– Если б не туман, они бы черта с два к «Амуру» сунулись! – Кретов сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев, и опустил их на колени. – Подплыли на лодке из-за острова и на пароход взобрались по якорной цепи... – Он крякнул от досады. – Мои орлы растерялись только потому, что двое из них были в полицейской форме... Иначе пристрелили бы на месте.

– От чего ушли, к тому и приехали, – произнес удрученно Иван, успевший избавиться от грима и переодеться. Темные круги под глазами и посеревшее лицо выдавали его с головой: несмотря на приказ Тартищева ехать домой и отоспаться как следует, Иван полдня мотался по городу, пока не собрал воедино доказательства непричастности Михаила Кретова к нападению на пароход. Хотя с большим удовольствием сделал бы обратное: его усердие привело к тому, что вновь вопросов оказалось больше, чем ответов. И Тартищев понимал, что дело зашло слишком далеко за рамки внутрисемейных раздоров и склок.

Вечером следующего дня Тартищев пригласил в свой кабинет на Тобольской Алексея и Ивана. Почти шесть часов провели они, обсуждая план действий, которые помогли бы обнаружить неизвестных злоумышленников, досаждающих Никодиму Кретову.

Полицейстер отвел на все про все месяц сроку. Прежде он не был так суров, но взрыв петард в парке пожарного общества вызвал такой поток злословия и насмешек в адрес полиции, что Батьянов не выдержал, накричал на Тартищева и велел ему ежедневно докладывать о ходе дознания.

Сам Никодим Кретов публично пообещал вручить золотые часы тому из полицейских чинов, кто особо отличится при поимке предводителя разбойников, но прошло уже два дня, а сыщики не продвинулись даже на вершок в разгадке преступлений.

И тогда родился тот самый план, благодаря которому Алексей вновь натянул на себя сюртук горного инженера с желтыми латунными пуговицами и малиновыми петлицами и отправился на юг Североеланской губернии, чтобы на месте разобраться, откуда растут ноги тех

происшествий, из-за которых потеряли покой и сон все чины сыскной полиции от младшего агента Алексея Полякова до ее начальника – Федора Михайловича Тартищева.

* * *

Алексей добросовестно сутки не выходил из своей каюты: отсыпался, читал и вновь отсыпался. Обеды ему приносили из ресторана. Официант, веснушчатый и долговязый, оказался на редкость словоохотливым и, расставляя на столике доставленные им блюда или убирая грязные приборы, рассказывал о событиях, происходящих на верхней палубе. Там чуть ли не до утра играл оркестр ложечников и балалаечников, лились удалые цыганские песни, а лихой перестук каблуков с подковами частенько сменяли пьяные выкрики: «Пей до дна! Пей до дна!»...

Но в первую ночь на пароходе Алексей долго не мог заснуть, и не оттого, что мешал шум и гам, душу его растревожил приятный мужской голос, который с невыразимой болью выводил в разлившуюся над рекой ночную тишину:

Я не ведаю, не знаю,
Где найду, где потеряю,
Жизнь – сплошная маята,
Все на свете – суета.
Любовь изменит, будет больно,
Закричишь во сне: довольно!
Проснешься, вспомнишь, маята,
Усмехнешься: суета! —

в этом месте певец сделал паузу, а публика тут же начала бить в ладоши и стучать ногами, повторяя, как заклинание:

Проснешься, вспомнишь, маята,
Усмехнешься: суета!

А певец продолжал петь, и опять ему хлопали, кричали «Бис!» и «Браво!», а следом вступал цыганский хор, за ним ложечники, и все по старому кругу, только песню эту певец пел единственный раз за ночь, других в его исполнении Алексей не слышал...

Первую ночь пароход двигался медленно, осторожно, словно на ощупь, то и дело посвистывая гудком. К августу река сильно мелела. И хотя вовсю уже шли дожди, а дальние горы посеребрил первый снег, капитан боялся посадить пароход на мель и вечером второго дня причалил его к длинному острову, заросшему черемухой и огромными, в два обхвата, березами.

С парохода спустили на довольно крутой берег сходни, и пассажиры устремились на поляну. Низкое солнце окрасило все в золотистые тона, зачернив тени и приглушив цвета. Дамы, подобрав юбки, бродили по траве, переговариваясь и пересмеиваясь с кавалерами, а те, окружив черемуху, срывали с веток тяжелые кисти с матово-черными ягодами и отправляли их в рот. Но одна беда – комары оказались здесь злющими, кусали беспощадно и всех без разбора. Через полчаса раздосадованная публика вынуждена была спасаться бегством, и остров опустел. Но сходни не убрали, и Алексей решил сойти на берег.

Отмахиваясь от комаров березовой веткой, он пересек остров, постоял некоторое время на противоположном берегу... Напротив острова возвышалась гора, поросшая редким лесом с проплешинами старых гарей, затянутых малинником. Три причудливых останца на ее вершине, освещенные лучами заходящего солнца, отбрасывали на лес длинные черные тени, и

Алексею показалось, что это скрюченная трехпалая рука тянется к реке, словно чудище из детской сказки хочет зачерпнуть воды и напиться.

Темные воды бились о скальные отвесы горы, свиваясь в тугие жгуты и порождая высокие волны с крутыми гребнями, которые, завихрясь в каком-то немислимом танце, ныряли под утес, нависавший широким выступом над черной пучиной омута. Поток мчался с невероятной скоростью, и Алексей понял, почему капитан не решился провести пароход в этом месте, хотя здесь, судя по всему, было значительно глубже. Пароход двигался против течения, и вряд ли его машины смогли бы справиться со столь мощной противодействующей силой.

– Дикий омут, – раздался за его спиной мужской голос, – Дикий омут.

Алексей оглянулся. Пожилой человек в измятой шляпе и сером чесучовом костюме вглядывался сквозь подзорную трубу в противоположный берег. Опустив трубу, он улыбнулся Алексею и протянул ему руку:

– Сергеев Владимир Константинович. Учитель истории тесинской мужской гимназии. Возвращаюсь в родные пенаты после летних каникул. – Он кивнул на водный поток. – Силища, а? Сколько людей здесь сгинуло, не счесть! – Он с интересом окинул Алексея взглядом: – К месту службы добираетесь?

– Добираюсь, – улыбнулся Алексей. – Разрешите представиться. Подпоручик корпуса горных инженеров Полетаев Илья Николаевич. Следую на Тесинский железоделательный завод.

– Похвально, весьма похвально, – покачал одобрительно головой Сергеев. – Рудное дело у нас в уезде ведется по старинке, все больше кайлом да лопатой машут, а ведь пора уже умные машины завозить, чтобы каторжный труд уничтожить. А для этого потребуются не только деньги, но и знания таких молодых людей, как вы, Илья Николаевич.

– К сожалению, я еду в Тесинск по печальным делам. Неделю назад на заводе вспыхнули волнения. Мы получили петицию доменных рабочих, в которой они жалуются на необоснованные увольнения, маленькое жалованье и притеснения, которые чинят мастера.

Учитель достал из кармана очешник, надел очки, сквозь них посмотрел на Алексея и печально вздохнул:

– Да, тяжелая вам миссия предстоит. Начальник завода – немец, фон Тригер. Человек жесткий, деспотичный, но тем не менее порядок на заводе изумительный. Волнений сроду не наблюдалось, а тут, видно, смутьян какой объявился. Воду мутит...

– Так вы считаете, что претензии необоснованны? – изумился Алексей.

– Почему же, дыма без огня не бывает. – Сергеев взял Алексея за локоть и развернул его в сторону парохода, чьи высокие трубы, увенчанные едва заметным дымком, виднелись из-за деревьев. Там опять гремела музыка, смеялись женщины, а эхо удваивало, утраивало эти звуки, они дробились о скалы и рассыпались, как горох, над притихшей рекой...

– Давайте возвращаться на пароход, а то скоро стемнеет. – Сергеев оглянулся на скалу, увенчанную останцами, и перекрестился.

Алексей с изумлением уставился на него, а учитель улыбнулся, снял очки и затолкал их в нагрудный карман.

– Пойдемте, пойдемте, Илья Николаевич, а по дороге я расскажу вам и об этой скале, и об омуте, но сначала давайте свернем во-о-он к тем березам, – кивнул он вправо на два огромных дерева, растущих, казалось, из одного корня.

Они подошли ближе, и Алексей увидел, что все нижние ветви одной из берез увешаны разноцветными ленточками – белыми, синими, красными...

– Это священная для местных жителей черная береза. – Учитель погладил ствол ладонью. – Смотрите, Илья Николаевич, кора у нее гораздо темнее, чем у соседки. Это достаточно редкое явление, поэтому тесинские татары, их еще хакасами называют, или хагасами, почитают ее, украшают ленточками – челомами. Каждая ленточка – чье-то загаданное желание. Но чаще

их завязывают, чтобы умиротворить злых духов или в благодарность добрым за то, что спасли или помогли в чем-нибудь. К примеру, благополучно миновать Дикий омут... – Сергеев вынул из кармана носовой платок, оторвал край и привязал ленточку на ветку. Затем весело улыбнулся Алексею и пояснил: – На удачу. Думаю, лишним не будет. Хотя это и языческий обычай, но определенно в нем что-то есть.

Алексей молча достал из кармана платок. Сергеев проследил взглядом, как его новый знакомый совершает древний обряд, затем сорвал две березовые веточки – одну себе, другую подал Алексею.

– Поставьте у себя в каюте, чтобы злые духи не водились, а лучше сухого чабреца поджечь, его дым любую нечисть выгонит. – Он взял Алексея за руку и провел между березами.

Они остановились на берегу. На верхней палубе парохода всю гуляла веселая компания, но на палубах второго и третьего класса тоже виднелись люди – группами и в одиночку. Они стояли, облокотившись на перила, тихо переговаривались, смеялись и наслаждались неожиданно теплым вечером.

Они ступили на сходни, и вдруг сверху послышался мужской голос:

– Владимир Константинович! Вы что ж у меня в гостях не появляетесь? Али чем вас обидел?

Алексей поднял голову. С верхней палубы на них смотрел самый настоящий африканец. Мощный торс и лицо отсвечивали черным рояльным лаком, на фоне которого особенно ярко выделялись белки глаз и ярко-красные губы. Африканец стоял рядом с капитанской рубкой, картинно подбоченясь. На бедрах – шкура ягуара с переброшенной через плечо когтистой лапой, во всклокоченных волосах – разноцветные перья, на шее – бусы из морских раковин, в ушах и носу – роговые кольца. В правой руке он сжимал настоящее копье из черного дерева, украшенное хвостами неизвестных животных, а другой призывно махал Сергееву и кричал на чистейшем русском языке:

– Вот уж уважьте, Владимир Константинович! Выпейте чарочку на пару с непутевым Мишкой Кретовым!

– Не надо так громко, Миша, – покачал головой учитель, – я все понял и сейчас поднимусь к вам на палубу.

Негр тем временем переключил свое внимание на Алексея:

– А это кто с вами, Владимир Константинович? Почему не знаю?

– Подпоручик корпуса горных инженеров Илья Николаевич Полетаев, – представился Алексей второй раз за вечер и сделал вид, что щелкнул каблуками.

– Ишь ты, подпоручик... – весьма ехидно прокомментировал сверху негр и уже другим тоном приказал: – А ну-ка оба ко мне на палубу! Живо!

Глава 6

– Экий ты, Миша, черный да блестящий, – засмеялся Владимир Константинович, – того гляди свой парадный фрак о тебя измажу.

– Ничего, – рассмеялся в ответ негр и обнял учителя, оставив на его сюртуке жирные черные следы – пятна гуталина. – Новый справим!

Владимир Константинович отстранился от него, покачал головой.

– Все хулиганишь?

– Хулиганю, – преувеличенно тяжело вздохнул негр. – Планида у меня такая – жизнь весело прожить! – Он оглянулся на Алексея. – А ты что стоишь, как неродной? Вон сколько мест свободных, – кивнул он на столики. – Выбирай любое, а Федька тебе сейчас выпить поднесет и закусить как следует. Сегодня у нас баранина на вертеле и осетры...

– Спасибо, я не пью. – Алексей, зная о непредсказуемости поступков Кретова-младшего, постарался отказать самым вежливым образом, на который был сейчас способен, но, кажется, переусердствовал. Отказов здесь не признавали.

Кретов отошел от Сергеева, крадучись, словно кошка, сделал несколько шагов в сторону Алексея и остановился напротив. Они были одного роста, но Алексею показалось, что над ним вдруг нависла черная скала с выпученными от бешенства глазами.

– Ты кто такой, чтоб от моего предложения отказываться? – выкрикнула «скала» голосом Михаила Кретова. – Ты что ж себе позволяешь?

– Я не пью, – произнес Алексей твердо и посмотрел в глаза Кретову. – Я могу себе это позволить!

– Здесь только я позволяю и приказываю! – рявкнул Кретов и, повернувшись, окликнул коренастого, с опухшей физиономией субъекта, в табачного цвета жилете и таких же панталонах с болтающимися штрипками: – Давай, Федька, испробуй, сколько подпоручик водки сумеет вылущить!

Федька (а Алексей знал по описаниям, что это и есть Драпов, первейший приятель Кретова, но и объект всех пинков и затрещин, на которые не скупился молодой баламут в моменты гнева) подошел к Алексею и окинул его внимательным взглядом.

– Д-а-а, – протянул он с сомнением в голосе, – личность эта, – ткнул он пальцем в Алексея, – конечно ж, не ахтильная! – Он обошел вокруг него, оглядывая с ног до головы, и даже попытался ухватить Алексея за рукав, но тот руку отдернул. Федор этого словно не заметил, лишь покачал головой неодобрительно и задумчиво молвил, не сводя взгляда с лица Алексея: – Жилист, это хорошо, но крепости особой не чувствую. Думаю, слаб он для питья. Тощий больно! Сначала откормить его надобно как следует. А то на ногу он, может, и крепок, а на голову, право слово, слабоват, отвислости на лице не имеется...

Кретов смачно хлопнул его по плечу и захохотал:

– А ну-ка, Федька, конкурируй, брат! Уважь! Не давай в обиду! – И, ухватив Алексея за отворот мундира, притянул к себе: – Смотри, перепьешь моего приятеля – награжу, не перепьешь – не обессудь!

– Я не собираюсь пить ни с Федькой, ни с вами, – опять крайне вежливо произнес Алексей, но почувствовал, что кровь приливает к лицу, первый признак ярости, в порыве которой он мог совершить поступки, которые ему как агенту сыскной полиции чести бы не придали.

– Ишь ты, – Кретов на мгновение опешил, – какой неуступчивый! – и крикнул Драпову: – Подвергнуть его взысканию, на первый раз со снисхождением!

Федор и еще один изрядно помятый гость купца, судя по внушительному, начинающему желтеть синяку под глазом, тот самый актер Ферапонтов, с которым Драпов подрался в ночь нападения на пароход, наполнили водкой две огромные бокалообразные рюмки и направились

к Алексею. Тот заблаговременно сделал шаг назад и отступил к паровой рубке, из которой наблюдали за происходящими на палубе событиями капитан и рулевой.

Кретов понял его маневр и весело выкрикнул:

– Степка, Тришка, хватай его за руки, чтобы не сбежал!

Непонятно откуда из-за спины Алексея выросли вдруг два низкорослых узкоглазых человека, ухватили его за руки и плечи, а когда он попытался сбросить их, повисли на нем всей своей тяжестью. Кретов принял из рук Драпова бокал, оттянул сорочку Алексея за воротник и вылил ему за пазуху водку, следом столь же хладнокровно опорожнил вторую рюмку. Затем отступил на шаг, окинул довольным взглядом дело рук своих и провел тыльной стороной ладони по губам Алексею:

– А это тебе закусить, подпоручик!

Дальнейшее Алексей помнил слабо. Кажется, завизжали и от страха забились в рулевую рубку дамы, которых он перед этим видел степенно разгуливающими по острову. Капитан от неожиданности дернул за ручку гудка, в воздух с оглушительным свистом рванул столб пара... Что делали другие пассажиры и гости хозяина в это время – неизвестно, но дикие вопли, прерывистые паровые гудки и грохот разбрасываемых во все стороны столов и стульев вперемешку с посудой и бутылками подняли с деревьев острова несметные стаи ворон, которые носились теперь над паромом, внося своими криками еще большую сумятицу и переполох в творящийся на верхней палубе бедлам.

Некоторые из пассажиров второго и третьего класса, прихватив немудреные пожитки, выскочили на берег, тем самым усугубив панику и беспорядок, но зато им удалось наблюдать заключительный акт представления, развернувшегося на пароходе.

Рослый молодой человек в расстегнутом мундире и в вылезшей из панталон мокрой сорочке отшвырнул от себя слуг и пронесся тараном сквозь толпу гостей, за чьи спины благо-разумно отступил Кретов, заметив, как перекошилось вдруг от ярости лицо подпоручика и как отлетели к перилам его телохранители Степка и Тришка.

Кретов попробовал выставить перед собой копьё, но Алексей вырвал его и отбросил назад, угодив в стекло рубки. Копьё просвистело над головой капитана и вонзилось в противоположную стену, отчего дамы завизжали и вовсе отчаянно. А две из них без чувств повисли на капитане и на матросе-рулевом, напроць забывшем о своих обязанностях.

Кретов метнулся на нос парохода, ухватился за ограждение. Дальше была только вода. Вернее, не менее трех-четырех саженей до ее поверхности.

– Стой, дурак! Хуже будет! – Он выставил перед собой ладони, но Алексей, пригнувшись, слегка отклонился в сторону, ухватил Михаила за шкуру, прикрывавшую его бедра, перекинул через себя и, не дав опомниться, тут же рванул вверх и, крутанув в воздухе, выбросил за борт...

Зрители, взволнованно гомонящие возле рубки, одновременно вскрикнули и сдавленно выдохнули: «А-ах!» – и метнулись на нос. Алексей протиснулся сквозь галдящую и отскакивающую от него толпу и подошел к Владимиру Константиновичу, который окинул его взглядом и неожиданно спокойно произнес:

– Идите, Илья Николаевич, переоденьтесь и умойтесь. Пока Михаила поднимут из воды и приведут в чувство, много времени пройдет. Объяснений не избежать, поэтому вам нужно выглядеть достойно.

Алексей спустился в каюту, переоделся, с трудом оттирая руки и лицо от пятен гуталина, умылся, затем с отвращением посмотрел на изгаженный мундир и сорочку, источавшую водочный запах, и вновь вернулся на верхнюю палубу.

Михаил, закутанный в тяжелый персидский халат, восседал, скрестив ноги, среди красно-желтых подушек на низком широком диване под столь же пестрым балдахином, который поддерживали чернокожие кариатиды. В пылу схватки Алексей балдахин не заметил, лишь промелькнуло перед глазами что-то яркое и по-восточному пестрое...

Тигрица лежала рядом с хозяином. Крупная голова покоилась на его коленях, а круглые желтые глаза лениво жмурились. Иногда она столь же лениво зевала, открывая ярко-розовую пасть с мощными клыками. При появлении Алексея кошачьи глаза открылись и усталились на него пристальным, немигающим взглядом.

Столы и стулья уже водворили на место, но официанты, то и дело косясь на Кретьова, сновали по палубе, подбирая посуду, бутылки, сметая в совки осколки и остатки обильной трапезы, растоптанной и размазанной по палубе. Цыгане, не по обычаю молчаливые и растерянные, сгруппировались слева от балдахина, гости – справа, и все как один испуганно и вместе с тем изумленно вытаращились на Алексея, когда он поднялся по трапу, прошелся по палубе и остановился напротив дивана, заложив руки за спину.

Михаил окинул его тяжелым взглядом:

– Пить будешь?

– Нет, – спокойно ответил Алексей.

– А если я велю утопить тебя в вине? – ласково справился Михаил и потрепал тигрицу за уши. – Или Мурке на ужин скормлю, выбирай!

– Попробуйте, – Алексей качнулся с пятки на носок и обратно, – первому, кто ко мне приблизится, я сверну шею!

Купец окинул его скептическим взглядом:

– Не успеешь!

Ощутив движение за спиной, Алексей оглянулся. Степка и Тришка в компании еще пяти-шести слуг пристроились сзади, поигрывая плетками и железными цепями. Алексею уже приходилось видеть нескольких пострадавших в драке обитателей Хлудовки, с переломанными костями и кожей, что висела на них лохмотьями. Тогда Вавилов пояснил ему, что их избили цепями. Поэтому, увидев цепи в руках инородцев, Алексей понял, что ничего хорошего ему уже не светит. Ко всему прочему, «смит-вессон», подарок Тартищева, остался в саквояже, поэтому вновь придется рассчитывать только на свою ловкость и свои кулаки. Но перевес в этот раз будет явно не на его стороне.

– Ладно, – неожиданно миролюбиво проговорил Михаил Кретьов и кивнул головой своей гвардии. Сопение за спиной прекратилось, и Алексей краем глаза заметил, что вся узкоглазая компания с Тришкой и Степкой во главе отступила к борту, но по-прежнему оставалась за его спиной.

– Не хочешь – не пей! – Михаил облокотился на подушки и язвительно произнес: – Думаешь наверняка, что я самодур, дикарь, только что с ветки спрыгнул?

– Думаю, – спокойно ответил Алексей, продолжая покачиваться с пятки на носок. – Думаю, – повторил он не менее язвительно, – что самодур, дикарь и с ветки действительно совсем недавно спрыгнул. Хвост, правда, уже отвалился.

Даже под густыми мазками гуталина, оставшегося на лице хозяина парохода, стало заметно, как он побелел и едва сумел выговорить от ярости:

– Капитана ко мне!

Капитан парохода в черном сюртуке с желтыми галунами выскочил из рубки, громко стуча каблуками, пробежался по палубе и, белея в сумерках испуганным лицом, вытянулся перед хозяином, прижимая к груди форменную фуражку.

– Слушаю, Михаил Корнеевич!

– Немедленно верни ему деньги за билет и спусти его на берег! Везти его я дальше не намерен!

– Но, Михаил Корнеевич... – поперхнулся от неожиданности капитан, – это ж... Как он доберется до Тесинска?

– Это не твоя забота, – рявкнул Кретьов и исподлобья посмотрел на Алексея. – Я хоть и с ветки спрыгнул, но законы божьи чту... Поэтому дай ему лодку, пусть своим ходом телепается

до Тесинска. – Он шелкнул пальцами, и Драпов угодливо склонился к нему. – Подай ему, Федька, четвертной, думаю, расходы подпоручика это покроет.

Алексей принял из рук Драпова ассигнацию, медленно сложил ее пополам, затем разорвал и бросил под ноги Кретову и, окинув ошеломленного купца безмятежным взглядом, развернулся и направился к трапу, ведущему на вторую палубу.

– Куда это ты? – опешил еще больше Кретов.

– За вещами, – ответил холодно Алексей и, как ни в чем не бывало, подмигнул Владимиру Константиновичу: – Встретимся в Тесинске.

– Илья Николаевич, – проговорил быстро учитель, – я живу за Базарной площадью, рядом с аптекой.

– Понял, я вас обязательно найду.

– Подождите, – Владимир Константинович придержал его за рукав и с укором посмотрел на Кретова, – остепенись, Миша, пока не поздно.

– Простите, Владимир Константинович, но я своих слов на ветер не бросаю, – произнес тот высокомерно. – Ваш знакомый мне изрядно насолил.

– Хорошо, – кивнул головой учитель, – тогда я остаюсь с Ильей Николаевичем, – и, не обращая внимания на взволнованный ропот, пробежавший по толпе пассажиров, отправился вслед за Алексеем в свою каюту.

Глава 7

Алексей связал в пучок ветки тальника и накрыл сверху толстым пледом, который взял по совету Анастасии Васильевны, уверявшей, что ночи на воде необычайно холодны. Получился небольшой шалаш, в котором можно было с грехом пополам, но переночевать вдвоем.

Владимир Константинович возился около костра. Отсыревшие ольховые и березовые ветки никак не желали загораться, и Алексей поплелся к ближайшим березам за берестой, моментально промочив ноги. Обильная ночная роса, казалось, пропитала все вокруг и даже воздух, который вырывался изо рта облачком белесого пара.

Наконец костер разгорелся. И тотчас ночная темнота отступила к реке, укрылась за кустами ракит и березами, распутившими зеленые космы над их примитивным убежищем и костром, чадающим едким дымом в высокое звездное небо. Было ясно и потому холодно. Алексей почувствовал, что зябнет, и накинул на плечи шинель. Владимир Константинович в теплой вязаной кофте, подбитой ватой, пристроился рядом с ним на обломке плавника, который они принесли с берега. Пока не стемнело, они занимались благоустройством бивака, не обращая внимания на то, что стали объектом пристального внимания всех пассажиров парохода и его хозяина в том числе.

После того как Алексей и учитель сошли на берег, Кретов громогласно приказал убрать сходни и отогнать пароход саженой на сто от берега, что капитан незамедлительно исполнил. «Амур» застыл чуть ли не на стрежне речного потока. Алексей подтянул оставленную для них лодку повыше на берег и захлестнул цепь за выступающие над землей корни. Теперь он не опасался, что их утлый челн захватит волной от парохода, когда он поутру снимется с якоря, чтобы продолжить плавание до Тесинска.

На верхней палубе было необычайно тихо, не голосили скрипки, не стучали бубны и каблуки пьяненьких гостей, не звенела посуда – видно, настроение хозяина не располагало к веселью. Пассажиры в конце концов разошлись отсыпаться, радуясь в душе столь неожиданному подарку. Но сам Михаил Кретов остался на палубе, и Алексей подозревал, что он продолжает наблюдать за тем, что происходит на острове. Полосатая кошка не отходила от него ни на шаг, отмечая путь хозяина огоньками светящихся в темноте глаз.

Владимир Константинович тем временем разложил на холщовом полотенце их нехитрые припасы и огорченно вздохнул: до ближайшей пристани им добираться не меньше двух дней, а еды – самая малость, на два раза закусить: десяток вареных яиц, половина капустного пирога, жареный цыпленок с одной ножкой. Вторую учитель съел еще вчера... И два яблока.

Первым делом решили расправиться с цыпленком – Владимир Константинович боялся, что еще сутки тому не выдержать, – и съели одно яблоко на двоих. Костер тем временем разгорелся, плавника и хвороста они натаскали достаточно, поэтому пришлось время расслабиться и обсудить свое не слишком завидное положение. Учитель предполагал, что до Тесинска им придется добираться никак не меньше недели, причем не везде получится идти на веслах, в некоторых местах лодку можно провести только бечевой, а еще предстоит преодолеть Козинский порог, который по-особому опасен в мелководье...

На пути у них лежат две пристани и несколько деревень, так что с голоду они не пропадут, к тому же в реке полно рыбы, в тайге – грибов и ягод, а на озерах, которые встречаются по островам, – диких гусей и уток. Учитель опять вздохнул, достал из нагрудного кармана трубку и набил ее табаком из табакерки, висевшей у него на поясе. Пустив в воздух струю ароматного дыма, он посмотрел в сторону парохода и усмехнулся:

– Не спит, басурман! Совесть, видно, замучила!

– Вы считаете, что у подобных людей есть совесть? – справился Алексей, подбрасывая в костер хворост.

Учитель не ответил, лишь несколько раз пыхнул трубкой, затем вынул ее изо рта и задумчиво произнес:

– Михаил Кретов как раз из тех людей, в которых зло и добро настолько срослись в единое целое, что полностью исчезла грань, которая отделяет их друг от друга. На самом деле Миша – добрейший человек и первейший в городе меценат. Он председатель попечительского совета обеих гимназий – женской и мужской, хотя сам не женат и детей, соответственно, не имеет. Он дал деньги на строительство земской больницы и поддерживает создание местного музея. Недавно построил новое здание для театра, а прежде тот ютился в помещении старого пожарного депо. Сейчас строится дом для актеров... Его не надо просить, если он узнает, что человек нуждается, он приглашает его к себе и оказывает ему помощь. Многие этим, конечно, пользуются, – вздохнул учитель и сделал несколько затяжек, – часть денег, и достаточно приличная, пропивается в кабаках и ресторанах, тратится на непотребных девок и еще более непотребных приятелей.

– Что ж ему, заняться больше нечем, как жизнь в кабаках прожигать?

– Да, побузить он любит, – усмехнулся учитель, – но вы мне не поверите, если я скажу, что это ему нисколько не мешает. На самом деле он очень рачительный хозяин. Если получится побывать на его лесных складах или рудниках, вы удивитесь, какой там порядок и дисциплина. В поселках есть начальные школы, небольшие лазареты с фельдшером и акушеркой... Часто он сам спускается в шахты. Рабочие его уважают, да и жалованье он платит несравнимо большее, чем на государственных приисках или в том же железоделательном заводе...

– У вас получается, что Михаил Кретов чуть ли не ангел небесный, у меня же сложилось свое мнение, – упорствовал Алексей, – и пока оно подтверждается на деле. – Он кивнул в сторону парохода, где рядом с двумя огоньками – глазами тигрицы Мурки – светился третий. Купец курил, по-прежнему наблюдая за берегом.

– Я вам больше скажу, – улыбнулся учитель и взял с полотенца кусок пирога. Разломив его на две части, большую подал Алексею, – наверняка его можно съесть, потому что уверенно вам заявляю, уже утром Михаил сам заявится на остров и попросит нас вернуться на пароход.

Алексей только хмыкнул в ответ, а Владимир Константинович выбил из трубки золу, спрятал ее в карман, а затем расстелил свою кофту на траве и лег на спину, подложив руки под голову.

– Знаете, Илья, – он приподнял голову и справился: – Можно, я буду называть вас без всяческих церемоний – просто Ильей?

Алексей кивнул головой.

Владимир Константинович вновь опустил голову на руки и, устремив взгляд в небо, мечтательно произнес:

– Открылась бездна, звезд полна... – Затем перевернулся на бок и, опершись на локоть, пристально посмотрел на Алексея: – Где вы так научились драться? Я заметил, что Мишу вы бросили за борт весьма профессионально.

Алексей пожал плечами:

– Когда-то занимался французской борьбой. Как видите, пригодились...

– Вы надолго в наши края?

– На месяц, не меньше. Кстати, вы не подскажете, где можно остановиться в Тесинске? Гостиница, частный пансионат...

– Я вас приглашаю к себе, – быстро проговорил учитель, – у меня небольшой дом, но для вас найдутся отдельная спальня и даже кабинет. Кухарка у меня хорошая, готовит все, что душа пожелает. Сам я уже семь лет как овдовел, – он тяжело вздохнул, – жена у меня славная была, но детьми бог обделил, не дал нам ни сына, ни дочку. Так что не отказывайтесь, не стесните вы меня ни по какому случаю. И вам спокойнее будет, чем в нашей гостинице,

и обеды домашние, да и мне, старику, в радость, если когда вечерком вместе за чайком или стопочкой посидим да побеседуем.

Алексей не успел ответить. Со стороны парохода донеслось неясное бреньканье. Похоже, кто-то настраивал гитару. Потом невидимый музыкант взял несколько аккордов, и вновь полилась над рекой так взволновавшая Алексея песня:

Я не ведаю, не знаю,
Где найду, где потеряю,
Жизнь сплошная маята,
Все на свете – суета...

Заметив изумление, с каким Алексей выслушал всю песню, Владимир Константинович усмехнулся:

– Что я вам говорил, Илья! Страдает Миша, иначе не разогнал бы свою шатию-братию по каютам. Все знают, если затянул Михаил Корнеевич эту песню, значит, совесть нечиста, значит, душа болит и мечется... – Он опять лег на спину и устремил взгляд на небо. – Смотрите, Илюша, сколько на небе звезд! Миллиарды миллиардов! И лишь немногие складываются в созвездия, и еще меньшее число светят ярче всех, затмевая свое окружение. – Он помолчал некоторое время. С парохода не доносилось ни звука, лишь три крошечных огонька продолжали светиться на палубе. – Вот и Миша тоже звезда, причем очень яркая. Возможно, ему следовало родиться чуть позже, тогда бы он сумел найти себя в жизни. У него есть задатки ученого и даже литератора. Он любит путешествовать. Мурку он еще котенком привез с Памира, когда охотился там на тигров и барсов. Она за ним как собачонка теперь бежит, ласковая и совершенно ручная. Потом он напечатал в «Североеланских ведомостях» с десяток интереснейших очерков о своих похождениях в Средней Азии. В Верном¹⁰ познакомился с генералом Черновым. В конце семидесятых, когда начались события на Балканах, восстали Герцеговина и Сербия, Миша помог Чернову перебраться на Балканы, где генерал возглавил сербскую армию. Говорят, что Третье отделение учредило за ним надзор и ему было отказано в заграничном паспорте. Миша по своим связям в канцелярии генерал-губернатора, наверняка за большие деньги, паспорт этот Чернову устроил, и на лихой тройке, не поставив никого в известность, они умчались из Москвы. Через некоторое время Чернов объявился в Белграде, а Миша всю кампанию безотлучно находился рядом с ним. Солдаты любили его за храбрость и щедрость. Он и там всем помогал, тратил огромные деньги на госпитали и помощь раненым солдатам. Домой вернулся с солдатским Георгием и сербским орденом за храбрость...

– Насколько я понимаю, купеческие дела ему не совсем по душе? – поинтересовался Алексей.

Учитель перевернулся на живот, вновь зарядил трубку табаком и прикурил от кострового уголька. Со вкусом затянулся.

– Матушка у него была актрисой и давней любовницей Корнея Кретьова и Мишу родила вне брака. После смерти жены старый Кретьов женился на Мишиной матушке, переписал сына на свое имя, и поговаривают, что любил его гораздо сильнее, чем старшего – Никодима. Правда, наследство поделил поровну, но братья не слишком ладят между собой. В прошлом году Никодим пытался лишить Михаила части наследства, но тот привез из Москвы хороших адвокатов, и Никодим остался с носом. Теперь они общаются только через посредников и отношения выясняют лишь в письменном виде.

«Если б только в письменном», – неожиданно тоскливо подумал Алексей.

¹⁰ Ныне г. Бешкек.

Задание, которое ему поручил Федор Михайлович, лишь на первый взгляд казалось неза-тейливым. На самом деле одна трудность цеплялась за другую. И самая главная в том, что Михаил Кретов совсем не так прост, каким представляли его в своих описаниях Иван Вавилов и даже Тартищев. Алексей почему-то больше поверил Владимиру Константиновичу, хотя рассказ учителя с трудом вписывался в тот образ забулдыги и пьяницы, который успело создать его воображение. Но тем не менее первая схватка уже показала, что справиться с Михаилом Кретовым будет крайне нелегко.

Шел второй час ночи, когда Алексей подтащил к костру толстую валежину и взгромоздил ее на раскаленные угли. Сухое дерево тут же занялось огнем, а два товарища по несчастью вползли в шалаш и, тесно прижавшись друг к другу, неожиданно быстро уснули...

Проснулся Алексей от пронзительных, режущих ухо паровых гудков. Низкий туман стелился над рекой, заволакивая паровоз, лишь трубы торчали над молочно-белой пеленой, но из них валил густой дым, машины работали вовсю, выходит, «Амур» готовился отплыть в Тесинск... Алексей сел на своем неудобном ложе, протер глаза и с удовольствием зевнул. Несмотря на неудобства шалаша, они с Владимиром Константиновичем умудрились выспаться, и теперь учитель возился около костра, пытаясь раздуть едва тлеющие угли.

Алексей выбрался наружу, присел на корточки возле костра, потирая руки и ежась от утреннего холода. Потом не выдержал и накинул на себя шинель, которая тут же покрылась бисером из мельчайших капелек воды – моросью, сочившейся из тумана.

Владимир Константинович кивнул в сторону реки:

– Машины разогревают, часам к девяти туман спадет, пойдут на Тесинск. – Замолчав на мгновение, он прислушался и совсем весело добавил: – Видите, Илья, я был прав, только что от «Амура» отчалила лодка...

Алексей посмотрел на него с удивлением. Он ничего подобного не разобрал, все звуки заглушал треск разгорающегося костра и пронзительные гудки паровоза. Но через несколько минут в тумане и вправду замаячило темное пятно, которое быстро увеличивалось в размерах и вскоре приняло очертания лодки. Учитель не ошибся. В лодке находились два гребца, и один из них был Михаил Кретов. Хватаясь за корни деревьев, он вскарабкался на берег и, похлопывая тростью по голенищу сапога, неторопливо направился в сторону костра. Не дойдя до них несколько шагов, он оглянулся и свистнул. На берег взлетела Мурка и, высоко задирая лапы, помчалась к хозяину. Догнав, принялась брезгливо отряхиваться и передергивать шкурой. Как всякая кошка, тигрица терпеть не могла сырости.

– Приветствую вас, Владимир Константинович. – Купец снял цилиндр и склонил голову в легком поклоне. – Пожалуйте на паровоз. Через час уже отплываем.

– Миша, смирение вам идет, и я очень благодарен за приглашение, – весьма сухо произнес учитель, – но я не вернусь на паровоз, и причины вам известны.

Алексей заметил, как вспыхнул Михаил, но тем не менее ничем другим свое негодование не выказал, а продолжал в том же тоне:

– Вчера мы все погорячились, но, думаю, не стоит доводить дело до полной бессмыслицы. Своим протестом вы ничего не докажете, лишь кожу на ладонях до кровавых мозолей сотрете да спины надорвете. Уверен, никто из вас на веслах против течения не ходил, а я хаживал и по первости слезами кровавыми умывался. – Он посмотрел на Алексея и с вызовом произнес: – Пожалейте старика, Илья Николаевич. Я его упрямство знаю... Вернитесь на паровоз! – И, заметив огонек неприязни в глазах Алексея, расправил плечи. – Учтите, я два раза не прошу, но если приглашаю, то от чистого сердца! – и протянул Алексею руку. – По правде, я вас зауважал, давненько мне морду не били, чаще собственные рожи да задницы подставляю.

Алексей усмехнулся и молча пожал ему руку, заметив, с каким облегчением Михаил перевел дыхание. И подумал, что учитель был прав. Кретов-младший оказался порядочнее и честнее, чем Алексею до этого представлялось.

Захватив свой немудреный скарб, они спустились вслед за Михаилом к лодке. И Алексей крайне удивился. Вторым гребцом была молодая женщина в длинной черной юбке и кофте, в черном же платке, надвинутом на самые глаза. Она окинула учителя и Алексея быстрым взглядом исподлобья, буркнула:

– Здравствуйте вам, – и взялась за весла.

– Здравствуй, Марфа, – ответил учитель и, улучив момент, прошептал Алексею на ухо: – Марфа – старшая сестра Михаила по матери...

Но самый большой сюрприз поджидал Алексея на борту. Поднимаясь по веревочному трапу на пароход, он почувствовал чей-то взгляд, вскинул голову и в иллюминаторе одной из кают первого класса разглядел вдруг знакомое лицо. Серо-голубые глаза, длинный нос с едва заметной горбинкой и мелкие зубы, терзавшие кружевной платок, – сей прелестный набор мог принадлежать лишь одному человеку, и он не ошибся. Из окна каюты за ним наблюдала Анфиса Коростылева, племянница Михаила Кретова. И одному дьяволу было известно, с какой стати она оказалась вдруг на «Амуре» и почему он до сих пор ее не заметил.

Глава 8

Фон Тригер был из остзейских немцев, из нищих дворян. И карьеру свою начинал с нищенской чиновничьей должности, но потом по воле случая попал на Тесинский завод, женился на дочери местного богатого купца, и незаметно, поначалу ни шатко ни валко, но его карьера пошла в гору. И ныне он пребывал в должности управляющего и даже совладельца завода, получая по копейке с каждого рубля прибыли.

Генрих Иоганн Тригер был чрезвычайно рад, что его наконец-то избавили от стеснительных рамок казенной сметы и от унижительных процедур согласования своих действий с высшим начальством по каждому вопросу жизнедеятельности Тесинского железодельного завода. После его продажи в частные руки, как производства для казны обременительного, Тригер повел дело смело, не оглядываясь на кого-либо и оттого с небывалым дотоле размахом. И не жалел денег, вкладывая их в производство. И затраты оправдывали себя, обращая каждую копейку, пущенную на развитие завода, в гривну.

Для начала он повысил оплату за подвоз угля и руды – и запасы на угольном складе и рудном дворе стали расти день ото дня. И хотя доменная печь с ее бездонной глоткой съедала все очень быстро, ни разу не случилось, чтобы завод лихорадило из-за недостатка сырья или топлива.

Дальше – больше, чтобы привлечь рабочих с окрестных деревень, ввел сдельную оплату труда на добыче руды, угля на ближайших к заводу коях, заготовке леса, и народ повалил... Впервые в истории завода очереди выстраивались в его конторе с раннего утра – столько было желающих поработать в цехах и в подсобных производствах. Правда, пришлось повздорить с управляющими золотыми приисками, терявшими лучших своих рабочих по милости Генриха фон Тригера, но и этот вопрос он уладил, поклявшись не переманивать опытных мастеров и маркшейдеров, лишившись которых прииски понесли бы значительные убытки.

Затем пришел черед новых станков, которые он выписал из Европы, а стены нового механического цеха росли буквально на глазах. Но более всего мечтал фон Тригер о приобретении паровой машины. Река Тесинка зимой сильно мелела, а то и вовсе перемерзала, поэтому водяное колесо часто не работало.

Но бухгалтер завода Столетов, с короткой бородой клинышком и большими залысинами над широким бугристым лбом, нависшим обрывом над маленькими, глубоко сидящими глазками, остудил его пыл. Оказывается, затраты были слишком велики и денег оставался самый мизер – только-только рассчитаться с рабочими за две недели.

Тригер возразил Столетову. Он точно знал, что на складах скопилось без малого три тысячи пудов железа, да еще литья, да еще изделий разных...

– Да, на складах много запасов и железа, и литья, – согласился с ним бухгалтер. И пояснил: – Август на дворе. До зимы все не вывезти и не продать, придется оставлять до весны. Сено не на сеновале, а в стогах, деньги не в кассе, а в амбарах, – заметил он глубокомысленно. А когда Тригер велел ему выдать вексель, со столь же спокойным выражением лица пояснил, что подобного права на выдачу векселей заводской конторой не предусмотрено. И это оговорено в специальной доверенности, выданной основным владельцем завода – Никодимом Корнеевичем Кретовым...

Столетов озабоченно почесал обширную плешь на затылке, тесно смыкавшуюся с залысинами на лбу, и посмотрел на сильно погрузневшего управляющего.

– Весьма тревожно мне, Генрих Иванович, по поводу расчета с рабочими. Что будем делать, когда деньги в кассе иссякнут? Проволокой да топорами рассчитываться будем, или гвоздями?..

Все это без утайки изложил управляющий заводом подпоручику Илье Николаевичу Полетаеву, который приехал по письму обиженных рабочих, и это после того, как фон Тригер объяснил им ситуацию на заводе, попросив их потерпеть до ликвидации временных трудностей. Вроде согласились, разошлись с собрания молча, но без явных признаков недовольства. Знали ведь не понаслышке, что управляющий свое слово держит, действует без обману... И вот тебе! Письмо! Несправедливое, обидное!

Алексей по глазам немца понял, насколько тяжело он переживает напрасные обвинения, но тем не менее оправдываться не стал, просто повел приезжего ревизора по цехам. Чувство гордости за сделанное превысило чувство обиды. И Генрих Иванович тотчас преобразился, воспрянул духом и даже повеселел от радости, когда Алексей одобрительно отозвался о переменах на заводе.

Они шли по цехам, и везде было видно, что работа спорится. Все были заняты делом и не слишком обращали внимание на начальство. К частым визитам Тригера привыкли и знали, что он сердит бывает лишь по двум случаям – если видит, что кто-то слоняется без дела, или из-за нехватки сырья для доменной печи, когда приходится гонять ее с неполной нагрузкой.

Воздух в цехах был тяжелый: горьковато-едкий от горнового дыма, он был пронизан лязганьем, грохотом, скрежетом и звоном металла.

Возле пышущей жаром доменной печи Тригер остановил высокого мастерового со следами подпалины в курчавой русой бороде, в длинном брезентовом фартуке с проплешинами, оставленными раскаленными брызгами металла, и в войлочном капелюхе, из-под которого поразбойничьи сверкали веселые голубые глаза.

– Ну что, Захар, выполнит к завтрашнему дню твоя печь месячный урок?

– Все как есть по уроку, ваше благородие, – расплылся в улыбке мастеровой, – остатнюю плавку в ночь выдадим...

– Придем посмотрим, – пообещал Тригер и кивнул на Алексея: – Вот Илья Николаевич еще не видел огненного чугуна. Смотри, слово дал, Захар, не осрамись перед гостем!

– У нас без осечки, – мастеровой сдернул с головы капелюх и вытер им покрытое обильным потом лицо, – вы мое слово знаете, Генрих Иванович!

Низкое помещение плющильного цеха несоразмерно с высотой потолка было широким и длинным. Небольшие окна в массивных, красного кирпича стенах смотрелись крошечными бойницами в крепостной стене. В дальнем конце цеха коптели и плевались раскаленными искрами три печи для разогрева металла.

Длинные языки пламени вырывались из смотровых щелей. Возле печей сновали люди, закопченные, черные, под стать стенам и потолку.

Алексея все время тянуло прокашляться. Горький чад разъедал горло и легкие, и он подумал, каково здесь работать мастеровым изо дня в день по десять-двенадцать часов, дышать едким дымом, каждую минуту рискуя быть обожженным или придавленным тяжелыми чушками металла...

Середину цеха занимали прокатные станы. Тригер подвел Алексея к одному из них. Из-под валков метнулась к ним огненная полоса, но невысокого роста мастеровой, крепкий и широкоплечий, ловко перехватил ее длинными клещами и снова загнал под валки.

– А если промахнется? – справился Алексей, наблюдая, как ловко вальцовщик орудует своим неуклюжим орудием.

– Бывают, – вздохнул Тригер и повторил: – Бывают смертельные случаи, и довольно часто. Поэтому из вольнонаемных охотников мало находится. Употребляем для работ каторжных.

– Этот что ж, тоже каторжный? – удивился Алексей, так как внешним своим видом мастеровой на каторжника никоим образом не смахивал.

– Что вы, – махнул рукой Тригер, – Ерофей – из поселенцев. Из Златоуста за мелкие провинности сослан, а нам в самый раз пришелся. Семейей здесь обзавелся. Яблони выращивает, а огурцы и арбузы у него первые в слободе, да, пожалуй, и во всем Тесинске.

После цехов и мастерских прошлись по амбарам, и Тригер с удовольствием показал ревизору тесно уложенные штабеля и бунты разносортного железа и литья. Проходя мимо, Тригер без запинки называл, сколько и на какую сумму хранится здесь готовой продукции.

Управляющий Алексею понравился. При внешней своей непривлекательности: маленькой, зауженной кверху голове с редкими белобрысыми волосами, красном безбровом лице и горбатым тонким носе, чей кончик, казалось, касался верхней губы, Тригер был очень толковым управляющим. И хотя от прибыли получал самый мизер, интерес к производству проявлял неподдельный: все говорило за то, что дела завода идут в гору, и в первую очередь благодаря его стараниям, упорству и во многом немецкой щепетильности и аккуратности в делах.

Он велел принести в свой кабинет бухгалтерские книги и, излагая состояние заводских финансов, в записи и отчеты почти не заглядывал, что еще раз упрочило Алексея в мысли, что дело свое Генрих Иоганнович, или, как его звали на заводе, Генрих Иванович, знает прекрасно и рассказывает о заводе не для того, чтобы заезжий ревизор им подивился. Он действительно гордился своим детищем, которому отдал без малого двадцать лет своей жизни.

– Полагаю, Илья Николаевич, теперь вы сами сумеете заключить, на пользу или во вред заводу мои введения. – Генрих Иванович закрыл книги. – Самая главная моя цель – увеличить прибыльность завода. Очень скоро каждая копейка не просто окупится, а еще и солидный доход принесет...

– Весьма похвально, Генрих Иванович, что вы так печетесь о процветании завода. – Алексею очень не хотелось спускать приятного ему человека с небес на грешную землю, но в его задачу входило нечто другое, и это нечто ему сейчас надлежало выполнить, что он и сделал незамедлительно, заметив: – Но все-таки, что могло породить то письмо, по которому я должен доложить в управление горных разработок и рудных дел? Могу ли я встретиться с жалобщиками, чтобы побеседовать с ними о причинах, вынудивших их обратиться за помощью?

Лицо Тригера покраснело еще больше. Он нервно забарабанил пальцами по обложке самой толстой бухгалтерской книги. Лоб у него сморщился, явив две глубокие поперечные морщины, а нос клювом навис над подбородком. Генрих Иванович расстроился, и расстроился нешуточно.

– Я не знаю, кто из моих рабочих мог сподобиться написать подобную петицию, тем более я лично встретился со всеми и объяснил временные трудности. Раньше было намного хуже, и в цехах угарно, и работали от темна до темна, я ввел две смены, повысил жалованье, оказывается, мало, надо больше... – Он озадаченно покачал головой: – Не повышал – молчали, повысил – жалуются...

– Возможно, кто-то слишком грамотный появился в цехе или в мастерских, который воду мутит? – осторожно поинтересовался Алексей.

Тригер молча покачал головой и недоуменно посмотрел на Алексея.

– Вряд ли... Грамотных на самом заводе раз, два – и обчелся. Тех, что едва буквы в слова складывают, десятка два наберется да мастера... Они пограмотнее, но чтобы петицию составить в управление... Нет, таковых на заводе не имеется! – сказал он твердо и для убедительности пристукнул кулаком все по той же книге...

– А в конторе? – настаивал Алексей.

– В конторе? – поразился Тригер. – С какой стати им подобное фискальство? Они у меня знают, что за ревизорские штрафы в первую очередь своими лбами рассчитываются. Я виновников прежде в конторе ищу, если на заводе что случится.

– Ладно, – сказал устало Алексей, – давайте эту канитель оставим на завтра. Я еще раз пройду по цехам, поговорю с мастерами и рабочими. Возможно, что-то прояснится...

– За две недели жалование рабочим и конторе мы выдали, – разложил на столе пасьянс из бумаг бухгалтер завода Столетов, – в кассе осталось тридцать целковых наличности. – Он вздохнул и посмотрел на Тригера. – Как ни крути, Генрих Иванович, – придется выдавать жалование изделиями.

– И что ж, они эти изделия кусать будут? – поинтересовался управляющий. – Они ж мне прежде голову откусят.

– Я вас понимаю, – почти страдальчески сморщился Столетов, – но пока мы соберем баржу, отгрузим товар и доставим его в Североеланск, не меньше двух недель пройдет, а товар ведь еще продать надо.

– Я буду разговаривать с Михаилом Корнеевичем, – сквозь зубы проговорил Тригер, – у него хоть и малая доля в заводе, но ведь он тоже хозяин...

– Вряд ли он поможет, – махнул рукой Столетов, – у него своих забот хватает с приисками! Разве только позволит товар в свою лавку сдать...

– Что ж, он сам у себя будет товар покупать? – поразился Алексей, приглашенный Тригером на встречу с бухгалтером, где они решали в очередной раз, как выкрутиться и выплатить жалование рабочим завода.

Тригер отвел глаза в сторону, а бухгалтер выразительно закатил глаза к потолку.

– Что поделаешь, Илья Николаевич! – вздохнул Тригер и вытер платком пот со лба. – Недовольство будет опять! – Он, будто лошадь, отгоняющая слепня, помотал головой и снова тяжело вздохнул. – Мы ведь по своей, заводской цене товар выдаем, а в лавке за него выплачивают раза в полтора, а то и два меньше. – И совсем тоскливо добавил: – Не сносить мне головы, Илья Николаевич, чувствую, не сносить!

– А нельзя разве у Никодима Корнеевича немного наличности попросить под тот товар, что вы собираетесь продать в Североеланске? – спросил Алексей.

– У Никодима Корнеевича? – Столетов усмехнулся язвительно и окинул Алексея взглядом, словно сомневался в его умственной полноценности. – Купец первой гильдии Кретов деньги давать не любит. Он их получать любит. Вот если б Генрих Иванович заявил о том, что сей момент готов внести в кассу приличное количество кредитных билетов от прибылей завода, Никодим Корнеевич всенепременно бы обрадовался, а взять из кассы и отдать на расходы даже в счет товара... Нет, такое в нашем деле невозможно. Никодим Корнеевич копейку сегодня не в пример дороже ценит, чем завтра.

– Но это ж неразумно, – удивился Алексей, – вложить такие деньги в завод и не найти пустяка на жалование. Это ж все равно что рубить сук, на котором сидишь...

– Помилуй бог, какой сук, – засмеялся Столетов, – Никодим Корнеевич этот завод за бесценку купил. А при оформлении купчей так и сказал: «Будет барыш – хорошо, не будет – тоже не беда! Свою цену я всегда за него возьму, так что внакладе не останусь! Еще с руками оторвут!»

Тригер обвел тоскливым взглядом конторские книги, громоздившиеся на столе, словно искал у них совета и помощи. Потом махнул рукой и вышел из кабинета.

Столетов проводил управляющего взглядом, затем перевел его на Алексея и усмехнулся слегка презрительно, кивнув в сторону двери, за которой скрылся расстроенный Тригер.

– Разбаловала Генриха Ивановича казенная служба. Привык, чуть что, руку к губернской казне тянуть. Эко диво рабочих расчесть! И денег не так уж много потребно! – Он заглянул в глаза Алексею и произнес тихо, почти шепотом: – Со дня основания завода не было еще подобной несостоятельности. Ясно дело, избаловали людишек. Дак ведь в государственной казне денег побогаче, чем в кассе у Никодима Корнеевича. Конечно, к новым порядкам не всех враз приучишь. Расчет надо произвести, чтоб осложнений не было. А то опять жалобами засыплют. – Он хитровато улыбнулся и подмигнул Алексею: – Вы ведь по этой части у нас появились?

– А что, у вас есть сведения по поводу жалоб? – в свою очередь справился Алексей. – Или вы предполагаете, что они непременно появятся?

Тот пожал плечами:

– Кто знает? Пока особых жалоб не наблюдалось, но последние события, смею заметить, могут повлиять на настроения рабочих. – Он приблизил бугристое лицо почти вплотную к лицу Алексея, а глазки-буравчики, казалось, просверлили его насквозь. – Как бы казаков не пришлось вызывать? А?

Алексей отодвинулся и с неприязнью посмотрел на бухгалтера:

– Думаю, что не в ваших интересах доводить дело до казаков.

Бухгалтер прищурился, в маленьких глазках мелькнули и пропали насмешливые огоньки. И Алексей подумал, что Столетов далеко не так уж прост и стоило, наверное, присмотреться, нет ли каких подводных камней во взаимоотношениях между управляющим и бухгалтером завода. И поэтому решил сменить тему разговора.

– Вы давно на заводе?

Столетов пожал плечами:

– Недавно, второй год. С того момента, как его приобрел Никодим Корнеевич. Он ведь взамен небольшой доли на «Неожиданном» третью часть заводских акций уступил Михаилу, чтобы тот попутно за заводом приглядывал. Сам он небольшой любитель далеко из города выезжать. Так что у Михаила свой интерес на заводе, правда, не шибко он его проявляет, больше на приисках пропадает.

– Выходит, до этого вы на Кретовых работали?

Столетов несколько странно дернул головой и в упор посмотрел на Алексея.

– На них, не на них, какая разница! – и, низко склонив голову, принялся собирать конторские книги в стопку. Затем подошел к высокому шкафу и разложил их по полкам. Даже спина его в этот момент излучала неприкрытую неприязнь и нежелание продолжать разговор.

Алексей, удивившись столь неожиданной перемене в настроении бухгалтера, продолжал допытываться:

– Так вы прежде где служили?

Спина бухгалтера напряглась, он захлопнул дверцу шкафа, запер ее на большой навесной замок, заклеил отверстие для ключа полоской бумаги, поставил сверху лиловую печать и лишь после этой достаточно продолжительной процедуры изволил повернуться и произнести недовольным тоном:

– До этого, как вы изволите интересоваться, Илья Николаевич, я служил у господина коммерции советника Карнаухова в паровой компании «Восход», пока ее владельцем не стал Корней Кретов.

– И что ж, господин Кретов не оставил вас в компании или вы по собственному желанию ее покинули? – не отставал Алексей от бухгалтера.

– Ну вы, право, форменный допрос снимаете, Илья Николаевич, – неожиданно добродушно проговорил Столетов. – Разве для дел завода имеет какое-то значение, где я прежде работал, – главное, чтоб дела шли в гору. А у нас они потихоньку-полегоньку с места сдвинулись. – Он перекрестился. – Генрих Иванович большого ума и осторожности человек. Если б еще понятие имел, что теперь завод в частном владении, а не в государственном. А частный хозяин – он каждой копейке цену знает, просто так на ветер их не бросает.

– Кто на ваше место пришел в компании и кого вы здесь сменили, когда устроились на службу в заводоуправление?

Столетов пожевал нижнюю губу, почесал кончик носа мизинцем и задумчиво произнес:

– Старый Кретов на компанию мало внимания обращал, а вот сынки у него оказались позабористее. После смерти батюшки они приняли ее в наследство и тут же всех служащих поменяли в одночасье. Особенно Никодим свирепствовал. Михаил – тот дальше, он меньше в

дела вникал... Ну, одним словом, после двадцати лет безупречной службы оказался я вдруг на улице. Спасибо Анфисе Никодимовне. Это она по доброте душевной устроила меня на завод бухгалтером, иначе хоть с голоду подыхай... – Он высморкался в большой носовой платок и печально посмотрел на Алексея. – Большой души женщина, Анфиса Никодимовна! Подобрала меня, отогрела, на завод привезла. Папенька ее, Никодим Корнеевич, шибко меня не хотел поначалу, осерчал даже, когда Анфиса о своем решении заявила. Покричали друг на друга, ногами постучали, но потом папенька ее смирился. Вызвал меня, смерил грозным взглядом и велел: ступай, дескать, и работай, но чтоб ни одной копейки мимо моего загашника не уплыло. Вот я и стараюсь, чтобы не уплыло.

– А что, у Анфисы Никодимовны своя доля в заводе есть?

– Да какая там доля, – рассмеялся Столетов, – одни слезы, а не доля! Столько же, сколько и у Генриха Ивановича, – копейка с рубля!

– И почему ж Никодим Корнеевич так свою дочь обидел, Семен Петрович? Не хочет с ней доходами делиться?

Столетов не ответил, а вдруг изменился в лице и перевел взгляд за его спину.

И в то же мгновение Алексей разобрал слишком хорошо знакомый ему тягучий голос с легкой хрипотцой:

– Меня никто не обижал, а доходами он не хотел делиться со своим зятем, моим супругом.

Алексей оглянулся. Анфиса Никодимовна собственной персоной всплыла в комнату бухгалтера и застыла за пару шагов до Алексея. Она была в кожаных, расширенных в бедрах мужских штанах, высоких, до колена, сапогах с изящной колодкой и в расшитом крученым серебряным шнуром белом кирасирском колете. В руках она держала цилиндр и плетку, из чего Алексей сделал вывод, что барышня заявила в контору с верховой прогулки. Только спрашивается: на кой ляд ей вздумалось пожаловать в контору, когда Алексей почти уже выудил у бухгалтера все, что на данный момент его интересовало?

Он смерил Анфису недружелюбным взглядом, но склонил голову в приветствии, мысленно пожелав ей провалиться в тартарары.

Женщина вздернула бровь, нервно ударила хлыстом по цилиндру и с вызовом посмотрела на Алексея. Рот ее как-то неестественно перекосялся: левая его сторона пошла вверх, а правая – вниз.

– Откуда вы здесь взялись? Кто вас приглашал?

Алексей выпрямился и медленно, почти не разжимая губ, процедил сквозь зубы:

– Я представитель губернского корпуса горных инженеров и нахожусь здесь по сугубо казенным делам, а не ради собственного развлечения.

Анфиса вновь ударила хлыстом по цилиндру, одарила Алексея яростным взглядом и, крутанувшись на каблуках, толкнула дверь кулаком в перчатке и скрылась с глаз долой. Можно было вздохнуть с облегчением, но этот выпад хозяйской дочери сказал Алексею многое, и прежде всего то, что жизнь в Тесинске ему сладкой не покажется.

Глава 9

Алексей отказался от предложенного Тригером экипажа, решив прогуляться пешком. Слобода, где жили рабочие, и сам завод располагались в пяти верстах к югу от города, в широком распадке на берегу неширокой, но вздорной реки Тесинки. Она огибала высокую гору, прикрывавшую сам Тесинск от заводского дыма и угарного чада, который стлался над распадком, и только в редкие дни здесь можно было дышать свободно. В те дни, когда прорывался сквозь таежные дебри лихой северо-западный ветер и разгонял сизое облако, как покрывалом накрывшее заводские здания, незатейливую церквушку рядом с выкрашенной желтой краской конторой и разбежавшиеся по склонам распадка домишки – справа – рабочих завода, слева – казаков конвойной команды, что доглядывали за каторжными, работавшими на добыче руды в совсем уж глухой тайге верстах этак в пяти от завода. Уголь добывали еще дальше, в степной части Тесинской котловины, на Изербельских коях...

Дорога в Тесинск шла по щеке горы: по одну сторону – высокий каменистый увал, поросший прямоствольными, с густыми, под самое небо, соснами. Смыкаясь одна с другой, они образовали сплошной сводчатый кров, под которым даже в самый знойный день было сумрачно и прохладно. С другого края дороги – обрыв, под которым бурчала на камни вечно недовольная Тесинка.

Обрыв густо зарос малинником и дикой смородиной, сплошь усыпанной багрово-красными гроздьями ягод. Алексей сорвал одну, набралась полная горсть, и отправил ягоды в рот. Скулы свело от непомерной кислоты, он сморщился и, склонившись над сбегавшим с увала ручьем, принялся торопливо черпать ладонями и глотать воду.

Перестук копыт за его спиной заставил Алексея поднять голову и оглянуться. От слободы в гору поднимался всадник, вернее всадница, в уже знакомом ему белом колете и черном цилиндре. Рядом с ней бежал, держась за луку седла, тоже знакомый Алексею китаец. Анфиса проехала мимо, даже не повернув головы в его сторону, но китаец прошелся по нему быстрым взглядом узких, прячущихся за высокими скулами глаз и тут же, склонив голову, затрусил по дороге, вслед за хозяйкой.

Алексей вновь склонился к ручью, умылся холодной водой и почувствовал вдруг такой прилив бодрости, что неожиданно для себя перепрыгнул с камня на камень, поднялся немного выше ручья и устроился на гранитном валуне, подставив лицо прохладному ветерку, прилетевшему со стороны Тесинска. Пахло грибами, смородиновым листом, к ним добавлялся и горьковато-смоляной запах – хвои. Он сорвал кустик костяники, снял тесно прижавшиеся друг к другу сочные кисловато-сладкие ягоды губами и, раздавив языком, проглотил, потянувшись за следующим кустиком...

Алексей поднялся наконец с камня и потянулся всем телом, так что захрустели кости, вдохнул полной грудью густой от таежных запахов воздух и, приставив ладони к губам, прокричал весело и шало, как, слышал, кричали ямщики на дорогах. Дикий и пронзительный клич, оставшийся от старых разбойных времен: «Эй-е-е-ей, гра-а-абя-аат! Ую-ю-юй-юй, лих-хома-а-ань!»

Эхо, словно пойманный в силки зверь, забилося, заколотилось о скалы, о глухую стену таежной поросли, всполошив беспокойных кедровок и взбалмошных сорок. Резкими, тревожными криками они нагнали страху на мелкую лесную живность, приснувшую в разные стороны под камнями и валежины. Алексей огляделся по сторонам и решил пойти не по пыльной, разбитой колесами телег дороге, а через лес. Ему казалось, что так он скорее доберется до города, чьи первые домишки и высокая колокольня собора показались на противоположном, более крутом берегу Тесинки. Но он не учел, что то и дело будет нагибаться и собирать в горсть

сочные ягоды костяники, а то вдруг набредет сначала на одну, потом на вторую, а за ней и на третью поляну, усыпанную крепенькими желто-коричневыми маслятами.

Не удержавшись, Алексей достал из кармана перочинный нож и опомнился лишь тогда, когда плащ, который он приспособил вместо корзины, уже прилично оттягивал руку и мешал передвигаться по тайге с желаемой скоростью. Но бросать узел с добычей он посчитал неразумным даже по причине истраченного времени и, взвалив его на плечо, пошел по тайге, перескакивая с камня на камень, с валежины на валежину.

Вскоре он вышел на широкую торную тропу, вероятно, местные жители пользовались ею, чтобы сократить путь из города до слободы. Судя по множеству отпечатков конских копыт, здесь не только ходили пешком. Тропа была освоена и верховыми, но, вероятно, Анфиса не знала о ней, если отправилась в город более длинным путем. Вспомнив нехоти о злобной купеческой дочери, Алексей споткнулся о корень, зашиб ногу и, зашипев от боли, выругался сквозь зубы.

Он уже подумывал о том, чтобы избавиться от части грибов, как вдруг тропу, вильнув в сторону, потерялась среди россыпи огромных камней. Конечно, можно было обогнуть камни, как и сделала тропу, проложенная более благоразумными и осторожными людьми, но солнце нависло над острыми пиками гор, из ущелий и расселин потянулись щупальцы сумерек, на небе проявился прозрачный серп луны, а в тайге ощутимо похолодало...

Алексей вздохнул и принялся спускаться по камням вниз... Вскоре ноги привели его к каменистому обрыву. Под ним виднелись какие-то полуразрушенные сооружения из старых бревен, разбитая лежневка... Над обрывом шло ограждение из неошкуранных лесин, стянутых между собой железными скобами и обмотанных для крепости толстой проволокой. В самом центре этого сооружения виднелось нечто вроде огромной заслонки. А у его подножия скопилось множество камней: несомненно, оно служило защитой от камнепадов...

Алексей огляделся по сторонам. Кажется, он вышел к заброшенному карьеру, откуда брали камень для строительства дороги и городских нужд. Он остановился и, оглянувшись, посмотрел вверх на серые россыпи камней, которые он только что преодолел. Вернуться назад и попытаться найти тропу? Нет, до темноты ему не успеть... Придется идти через карьер...

С большим трудом, то и дело оступаясь и хватаясь свободной рукой за нависшие над обрывом ветви и корни деревьев, он миновал самую крутую его часть. Оставалась самая малость дойти до лежневки. И он даже вздохнул с облегчением и перекинул узел с грибами в правую руку... Но тут какое-то странное чувство заставило его оглянуться, лишь за мгновение до того, как он услышал вдруг непонятный скрип, а следом гул и грохот... Ноги словно приросли к земле, во рту пересохло, зато все тело вмиг покрылось холодным потом. Неосторожный шаг привел в движение один из камней, тот подтолкнул второй, затем третий... четвертый... десятый...

Алексей метнулся в сторону. Еще секунда – и его бы погребло под обвалом. Но, видно, судьба его хранила, если заставила вовремя оглянуться, иначе не оказаться бы ему под скальным козырьком, под который он успел заскочить в последний момент. Огромные глыбы, подскакивая, как детские мячи, с оглушительным шумом и громом резво катились по склону. Подпрыгивая и ударяясь друг о друга, они увлекали за собой более мелкие камни и щебенку, с ходу проскакивали лежневку, поднимая на дыбы и переворачивая бревна, устилавшие ложе дороги, и с треском вламывались в тайгу, круша все на своем пути: и мелкую поросль, и крепкие сосны...

Обвал продолжался не более минуты, но за это время Алексей несколько раз попрощался с жизнью.

Камнепад прекратился внезапно, так же как и начался, только тонкие ручейки щебенки, по-змеиному шипя, шуршали между камней, сползая с обрыва. Алексей выбрался из-под козырька и, поглядывая с опаской на обрыв, выбрался на лежневку, которую словно перепа-

хали гигантским плугом. Миновав опасное место, он вновь посмотрел вверх и замер от изумления. Напрасно он думал, что сам стал виновником обвала. Кто-то сумел оттянуть в сторону затвор заслонки, и именно оттуда были спущены камни на его голову. В этом он нисколько не сомневался – именно спущены, но кому пришла в голову столь дьявольская мысль? Или просто сработала ловушка, нацеленная на кого-то другого?

Он бросил плащ с грибами на камни, выхватил из кармана «смит-вессон» и прислушался. В тайге, как это бывает перед наступлением ночи, было необычайно тихо, лишь верховой ветер едва-едва шевелил кроны деревьев.

Алексей еще раз прошелся взглядом по следам разрушений, оставленных на склоне горы камнепадом, и вдруг заметил какое-то неясное движение несколько выше заслонки. То ли зверь пробежал, то ли человек, пригнувшись, проскочил открытое пространство небольшой поляны, с которой начиналась россыпь камней. Недолго думая, Алексей тоже пригнулся и стал быстро карабкаться по склону вверх, обходя россыпи мелких камней, остерегаясь новой подвижки. Подниматься вверх было несравненно легче, чем спускаться вниз, и он довольно быстро достиг вершины склона, на котором заметил странное движение.

Присев за огромным валуном, он обвел настороженным взглядом скопления камней, заросли молодого сосняка, частокол стволов, слившихся в сплошную стену из-за свалившихся на тайгу сумерек. Было все тихо...

Он приподнялся из-за камня, затолкал револьвер за пояс брюк, сделал шаг и чуть не наступил на человека, лежащего в зарослях можжевельника. Вернее, не на человека, а на островерхий лисий малахай, который едва виднелся из-за камней, прикрывая черноволосую голову своего владельца. Заметив Алексея, он перекатился за камни и выставил навстречу ему кургузое ружейное дуло. Щелкнул затвор. Мужик предупредил: подходить не стоит.

Алексей в свою очередь отскочил на прежнее место за валун и, держа револьвер дулом вверх, осторожно выглянул из-за камня. Ствол по-прежнему смотрел в его сторону, но сам владелец малахая уже укрылся более основательно. Кто бы это мог быть? Судя по малахаю и деталям одежды, это наверняка кто-то из местных инородцев. Сергеев упоминал, что кличут их здесь тесинскими татарами или хакасами, но сами себя они называют сагайцами, в отличие от качинцев, которые живут в степной части котловины...

Но учитель также рассказывал, что люди они сугубо мирные, поэтому вряд ли этот в малахае решил оттянуть затвор. Да и зачем ему, спрашивается, это надобно, разве исполнил чей-то злой умысел? Но кому ж Алексей так успел насолить за два дня пребывания в Тесинске, что задумали расправиться с ним столь изощренным способом? Ему и одного камня хватило бы, вздумай тайный недоброжелатель подкараулить его на тесной тропе или в темном закоулке.

– Эй, – крикнул он в ту сторону, где спрятался владелец малахая. – Выходи, я тебя не трону.

– А не врешь? – прозвучало с легким гортанным акцентом из укрытия. – А то дырку в башке сделаешь, как тогда Ермашке жить?

– Не вру! – отозвался Алексей и, затолкав револьвер за пояс брюк, вышел из-за камня и поднял руки ладонями вверх. – Видишь, ничего у меня нет! Выходи, поговорить надо.

Ружейный ствол исчез из поля зрения, вслед за ним показался малахай, из-под которого виднелось круглое лицо с широкими скулами и хитро поблескивающими узкими глазками. Черные усы и редкая бороденка дополняли портрет коренастого крепкого человека, одетого в короткий, выше колен суконный кафтан с черными атласными вставками на плечах, высокие мягкие сапоги и малахай, которым он обтер лицо, вновь нахлобучив на голову.

– Кто такой? – спросил Алексей, делая шаг в его сторону. Человек ровно на столько же отскочил назад и сделал вид, что стягивает с плеча ружье.

Алексей улыбнулся:

– Ты что такой пугливый?

Мужчина провел пальцем по гортани и удрученно произнес:

– Егор, как овечке, голову оторвет, когда узнает, что Ермашка тебя плохо охранял.

– Охранял? – поразился Алексей. – Ты меня охранял? А кто ж тогда камни на меня спустил?

Вместо ответа Ермашка присел на корточки и показал несколько углублений на песчаной, свободной от камней проплешине.

– Смотри, вот здесь он от меня сиганул. Как тетерка! – Он сплюнул на землю и снизу вверх посмотрел на Алексея. – Он за тобой по верхам, словно зверь, шел. Сначала стрельнуть хотел. Иди сюда...

Алексей поднялся вслед за Ермашкой и остановился перед молодой сосной. Его новый знакомый показал ему развилку с содранной корой и надломленные ветки, мешавшие обзору.

– Здесь он хоронился. Но потом решил камни на тебя спустить. Увидел, что ты как раз под обрывом остановился.

Алексей склонился к земле, стараясь разглядеть, остались ли какие следы. Нет, ничего! Слегка потревоженный слой сухой хвои да содранная кора в том месте, где лежал ружейный ствол, нацеленный в его голову...

Он выпрямился. Ермашка, пригнувшись, рысцой обежал вокруг поляны и вдруг торжественно вскрикнул, махнув Алексею рукой:

– Иди сюда! И здесь следы!

Алексей подошел и нагнулся к земле, где виднелись нечеткие, с осыпавшимися краями вмятины размером с его ладонь.

– Однако совсем маленькая нога! – сделал заключение Ермашка. – Неужто баба? – Он покачал головой. – Однако сильная! – Он прошел чуть дальше и удовлетворенно хмыкнул: – На коне ускакала!

Алексей с удивлением уставился на него.

– Ты что, шутишь? Какая баба с затвором справится? Там же все мхом поросло, от дождей разбухло.

Ермашка пожал плечами:

– Нога маленькая, сам видишь, и по камням она легко бежала, без стука, как рысь! Мужик ногами топает, когда бежит, и камни с места сдвигает. И там под деревом, где хоронилась, хвоя не потревожена, значит, спокойно стояла, ждала, когда подойдешь. Мужик бы всю хвою распинал и ветки до конца бы оборвал, а не надломил...

– Ты кто? – Алексей постарался не показать виду, насколько ошеломлен подобным заявлением своего нового знакомого. Но все-таки не мог поверить, чтобы на его жизнь покушалась женщина. Есть и мужики с маленькими ногами... Он вытащил из-за пояса револьвер, переложил его во внутренний карман и уточнил: – Как здесь очутился?

– Я? – удивился Ермашка.

– Ну ты, кто еще? – рассердился Алексей.

– Я – Иринец, – с очевидной гордостью произнес Ермашка, – из сагайского рода, прадед мой сам Мерген-тайша был. Мы – таежный народ, охотники – не пастухи. Раньше лучшие воины были в нашем роду. С самим Ермаком сражались, с казаками. Русские долго нас покорить не могли.

– Ты что ж, жалеешь, что покорили?

– Да нет, – хитровато прищурился Ермашка, – не жалею. Места здесь всем хватит.

– Иринец – это фамилия, что ли?

– Да нет, имя. – Ермашка опустил на камень, поставил ружье между коленями, достал из кармана кисет. – Садись, Алексей Дмитрич, сейчас Егор вернется, а мы покурим пока.

– Алексей... Дмитрич, – поперхнулся Алексей, – откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Дак Егор все, – уставился на него плутоватыми глазами-щелками Иринец-Ермашка, – я ж сказал, велел мне за тобой приглядывать. Говорит, молодой, горячий...

– Пстой, пстой, – перебил его Алексей, – какой еще Егор? – и вдруг хлопнул себя по лбу: – Неужто Зайцев?

– Ужто, ужто, – закивал головой его новый знакомый. – Так оно и есть – Зайцев.

Где-то неподалеку заржала лошадь. Иринец-Ермашка как-то по-особому звонко щелкнул языком и крикнул в темноту:

– Ханат,¹¹ иди ко мне!

Из кустов вышла низкорослая, с короткой гривой лошадь. Печально посмотрела на Алексея и подошла к хозяину.

– Вот она, моя Ханат, – с гордостью произнес ее хозяин и потрепал за гриву. – Как собака мне служит. Ты думаешь, почему она заржала? – он с несомненным торжеством посмотрел на Алексея, расплылся в улыбке и сам же ответил: – Сейчас Егор Лукич по тропе поднимается и скоро здесь будет, быстрее, чем *хыйлаг тарт*, – добавил он по-своему и, заметив, что Алексей не понял, усмехнулся и пояснил: – Он появится быстрее, чем я успею спустить курок...

¹¹ Ханат – крыло (хакасск.).

Глава 10

– Ну бестия прямо, – произнес вместо приветствия урядник и, привязав лошадь к дереву, устроился на камнях рядом с Ермашкой, – через гарь от меня сиганул. Там много гореликов торчит, побоялся коню брюхо пропороть, а этот варнак промчался, словно на крыльях пролетел. – Он тяжело вздохнул и с осуждением посмотрел на Алексея. – Зачем вас в гору понесло, Алексей Дмитрич? Пошто ноги зазря бить? Ведь чуть-чуть не прикончили... – Он загнул полы темно-зеленого форменного кафтана и опустил на камень рядом с охотником. Расправил густые темно-рыжие усы, потер бритый подбородок и, смачно сплюнув в сторону, проворчал: – Делов у меня нет, как вас из-под камней вытаскивать!

– Я что-то не пойму, Егор, – Алексей в упор посмотрел на урядника, – с чего это вдруг вздумалось кому-то меня убивать? На заводе я по делам, по которым камни на голову спускать себе дороже станет. И я уверен, что пока никто, даже Кретов, не знает и не догадывается об истинных моих интересах.

Урядник снял фуражку, почесал в затылке и, вернув ее на место, смерил Алексея угрюмым взглядом.

– Федор Михалыч сказывали, что вы мастер во всякие дела вступать, потому и велел за вами приглядывать. Сегодня мы с Ермашкой вас почти до городу довели. Как собор завиднелся, я ему говорю, проводи, дескать, Алексея Дмитрича до первых домов, а там уж он сам доберется. А я в Черную Речку, деревня такая отсюда в двух верстах, махнул. Интересные вещи там происходят, как мне доложили. Но и полверсты не проехал, слышу грохнуло – обвал! Я – лошадь в карьер, и сюда! – Он удрученно покачал головой. – Если б знать, что вы через лес пойдете, не поехал бы в Черную Речку. Глядишь, и этого варнака, что на вас камни спустил, мигом споймали бы.

– Иринек утверждает, что это была женщина, – кивнул Алексей на охотника, с безмятежной улыбкой на устах попыхивающего своей трубкой.

Урядник, похоже, совсем не удивился подобному заявлению, лишь пожал плечами.

– Кто их знает, среди местных казачек такие бабы крепкие попадают, обухом лба не перешибешь. Намедни загулеванил в кабаке вахмистр конвойной службы, Задубеев, столы стал переворачивать, буфетчику глаз подбил, а мимо в это время сватья его проезжала, Глафира Кандыбина. Ей кричат: «Глафира, там Васька нагайкой по чем попадая хлещет, посуды пропасть перебил!» Она с телеги скок! – и в кабак. Ваське руку заломила, кулаком промеж глаз ему – хрясь! Он и вырубился. Тогда она его на спину взвалила, до телеги доволокла и домой доставила. А там, говорят, женушка его бедовая встретила да всласть еще по ребрам ухватом отходила...

– У казачек ноги большие, – произнес охотник, выпустив на мгновение трубку изо рта. – А тут совсем маленькие... – Он кивнул в сторону поляны, на которой неизвестный злоумышленник, а может злоумышленница, оставил свои следы.

Егор, кряхтя, поднялся на ноги, походил по поляне, рукояткой плетки ковырнул в одном месте, в другом, приложил ладонь, задумчиво покачал головой, а потом махнул рукой и вернулся на камни. Молча засмолил сигарку и, лишь выдохнув пару раз дым, с досадой произнес:

– Разве это следы? Он, когда с камня на камень прыгал, оступился или поскользнулся. Один раз на пятку приземлился, а второй раз носком песок вспахал. Правда, там, где на лошадь садился, более четкие отпечатки остались, но лошадь по ним после прошлась, песок перемешала...

– Женщина была, – опять подал голос Иринек-Ермашка, – след мелкий, даже там, где оступилась. Легкая она, молодая! Слышал, как по камням бежала! Косуля, да и только!

– Ладно, посмотрим, что за косуля такая в нашей тайге завелась! – проворчал Зайцев и строго посмотрел на Алексея. – Я за вашу голову перед Федором Михайловичем отвечаю, так что не суйте ее куда попадя...

– Мне что ж теперь, без вас ни шагу не ступить? – поразился Алексей. – Зачем мне такая опека? Федор Михайлович мне полную свободу решений и действий позволил и ничего не сказал, что кто-то за мной по пятам ходить будет!

– Да никто за вами ходить не собирается, – буркнул Зайцев, – своих забот невпроворот, вон вчера в Головановке четырех коней увели. Мы с Ермашкой всю ночь за конокрадами гонялись, пока лошадей не отбили. А утром на самого главного конокрада вышли. Думали – из цыган, а он местный, из бывших приказчиков, только что с цыганами снюхался, им лошадей и поставлял.

– Как ты на него вышел? – удивился Алексей. – По следам?

– Да какое по следам? – усмехнулся Зайцев. – Их двое было, конокрадов. Люди заметили, не все ж ночью спят, что коней из села погнали напрямик к Золотаревскому бору. Меня среди ночи хозяева подняли. Беда, мол, Лукич, лошадей покрали. Я в седло, Ермашке свистнул – и в погоню. Нагнали их уже у переправы через Тесинку. Ермашка в воздух из ружья – бабах! Ну они сразу по кустам и вдоль берега как сиганут! Мы – за ними! Всю морду ветками исхлестали, пока догоняли. Ну они видят, дело плохо, в лодку, что у берега стояла, вскочили и отчалили, а лошадей оставили. Смотрю, одна точно конокрадская: цыганское седло у нее особое, с крючками, чтоб ворованных лошадей цеплять, а в переметной сумке клейма всякие, чтобы, значит, их переклеймить...

– И вы задержали этих конокрадов? – Алексей с интересом смотрел на Егора Зайцева.

– Задержали, – произнес тот степенно и снова пару раз затянулся сигаркой. – Что ж их было не задержать? Я ведь на того коня сел, поводья отпустил, он меня к этому жулику и привез. В самые ворота мордой уткнулся...

– Ну молодцы! – с веселым удивлением воскликнул Алексей и хлопнул по плечу Зайцева. – И чего бы этой лихой дамочке тоже своего коня не оставить? Глядишь, и вывел бы нас на эту мерзавку, что чуть меня в карьере не схоронила!

– Ну дамочка не дамочка, – сказал Зайцев и, хлопнув себя по коленям, поднялся с камня, – но найти мы ее непременно найдем! Эй, Ермашка! – окликнул он охотника. – Проводишь Алексея Дмитрича и езжай в Черную Речку! Там переночуем, а завтра кое-что разузнать надобно будет. – Он посмотрел на Алексея. – Пока докладывать нечего, если что, я с Ермашкой вам записку передам.

– Что-то серьезное?

– Пока не знаю, – ответил урядник, – но на днях, думаю, что-нибудь прояснится.

Он вскочил в седло такой же приземистой, как у своего приятеля, лошадки, взял под козырек и скрылся в темноте.

Алексей проводил его взглядом и спросил у охотника:

– Так как тебя по-настоящему зовут? Иринец или Ермашка?

Тот ухмыльнулся:

– Папка с мамкой Иринеком нарекли, поп, когда крестил, Тимошкой, а вот Егор Ермашкой назвал. Теперь все меня им кличут да еще иногда Сибдиеком, так у нас в сказке охотника звали, но мне больше Ермашка нравится. Ермак Тимофеевич большим человеком был, даже нашего князя не боялся, а у него тумен¹² был больше тыщи воинов.

– Так он тебя что ж, в честь Ермака Ермашкой зовет? – удивился Алексей.

¹² *Тумен* – войско (монгольск.).

– Ага, – кивнул головой охотник. – Егор говорит: «Быть тебе Ермашкой, пока борода такой же не вырастет, как у Ермака». – Он хитро прищурился и почесал подбородок под хилой своей бороденкой. – Ты меня тоже зови Ермашкой, так мне привычнее.

– Хорошо, – Алексей огляделся по сторонам. – Где-то плащ оставил...

– Сейчас найдем, – охотник юркнул в камни и через некоторое время вынырнул из темноты с узлом на плече. – Однако много грибов набрал. Лушке весь вечер жарить придется. – Он пристроил узел к седлу. – Давай, Алексей Дмитрич, садись на лошадь, а я пешком дойду.

– Да нет, – отказался Алексей, – твоя лошадь – ты и поезжай!

Но Ермашка все же повел лошадь в поводу. Они вышли на тропу и уже через час ступили на окраину Тесинска. Миновали несколько заросших тополями и черемухой улиц и оказались на Базарной площади, необычайно тихой и пустынной в этот час. Низовой ветерок гонял между торговыми рядами шелуху от семечек и мелкий мусор. От площади было совсем недалеко до дома Владимира Константиновича. Алексей остановился под единственным газовым фонарем, освещавшим площадь, и пожал руку охотнику.

– Давай прощаться, Ермак! Спасибо, выручил меня сегодня!

– Да что там, Алексей Дмитрич, – засмутился тот, – если б я того варнака поймал, что чуть тебя не прихлопнул, – он с досадой махнул рукой, – ничего, мы его с Егором непременно поймаем, будь спокоен! Егор шибко не любит, когда в его околотке какая тварь заводится.

– Скажи мне, – поинтересовался Алексей, – ты бухгалтера на заводе знаешь? Столетова?

– Столетова? – Ермашка как-то странно посмотрел на Алексея, – кто ж его не знает... – Он отвел взгляд в сторону. – Живет тихо, смирно, знакомств ни с кем не водит. – Он помолчал мгновение и тихо добавил, одарив Алексея все тем же странным взглядом: – Разве только Анфиса Никодимовна его иногда навещает...

– Наверняка вы с Егором уже прознали, с какой это стати Анфиса Никодимовна его посещает, – усмехнулся Алексей, – или я ошибаюсь?

Ермашка вздохнул и пожал плечами:

– Егор мне голову набок свернет. Я тебе и так много сказал. – Он что-то тихо пробормотал по-своему и натянул малахай поглубже на голову. – Давай до встречи, Алексей Дмитрич! Голову только не суй куда ни попадя! – Он перебросил Алексею узел с грибами, вскочил на лошадь, лихо прищелкнул языком и скрылся в темноте.

* * *

Алексей пересек площадь и свернул в переулок, ведущий к аптеке, рядом с которой находился дом учителя. И в этот момент услышал перестук лошадиных копыт за своей спиной. Он посторонился, уступая дорогу экипажу, и проводил его взглядом, недоумевая, кто из соседей учителя возвращается домой в столь поздний час. Среди недели здесь по гостям не разъезжали, театральный сезон открывался в октябре... Из других развлечений – лишь вечерние да воскресные променады в городском саду, но из-за отсутствия фонарей подобные прогулки прекращались с появлением первых звезд на небе...

Он перебросил узел из одной руки в другую, представив, во что превратились грибы и тем более сам плащ, и заметил, что экипаж остановился напротив аптеки. Ее хозяин Яков Львович Габерзан исправно вывешивал над крыльцом керосиновый фонарь с той целью, чтобы поздние посетители разглядели возле окошка, через которое в ночное время отпускали лекарства, преysкурant цен на микстуры и порошки, а также товары, которые попутно продавались в аптеке.

Алексей миновал экипаж и остановился возле калитки, врезанной в массивные, обитые железной полосой ворота. На ночь калитку запирали на засов, поэтому приходилось крутить деревянное кольцо, от которого шел шнур к колокольчику над дверью...

Он переложил узел из правой руки в левую, не забыв чертыхнуться при этом, потому что представил, каким взглядом окинет его и что скажет при этом кухарка Владимира Константиновича Лукерья, когда он вывалит перед ней кучу измятых, потерявших свой вид грибов... И в этот миг за его спиной раздался испуганный женский вскрик.

Он стремительно оглянулся. Экипаж уже уехал, но при слабом свете аптечного фонаря он разглядел три человеческие фигуры. Одна из них, женская, пыталась вырвать из рук другой, мужской, саквояж, а третья, непонятно чья, быстро, почти бегом, удалялась в сторону Базарной площади с чемоданом или точно таким же саквояжем в руках. Не раздумывая, Алексей швырнул узел с грибами на траву у калитки и бросился в погоню за убегающим. Догнать его не составило особого труда. Жалкий оборванец с чумазым, словно закопченным лицом, испуганно ойкнув, бросил чемодан и попробовал скрыться в переулке, но Алексей успел ухватить его за шиворот и дать пинка. Голодранец вскрикнул и покатился по пыльной дороге, а Алексей, подобрав чемодан, бросился на помощь женщине. Но напавший на нее воришка уже заметил, что произошло с его приятелем, поэтому, как заяц, прыгнул в сторону и дал стрекача.

Алексей поднял с земли второй саквояж, брошенный вторым вором, и посмотрел на женщину. Она торопливо поправила на голове перекосившуюся шляпку, убрала под нее выбившиеся пряди волос и виновато улыбнулась.

– Простите, что вам пришлось бегать за этими паршивцами. Не понимаю: откуда они выскочили? – произнесла она с недоумением. – Я только с экипажа сошла, извозчик едва успел багаж выгрузить, а они тут как тут: «Тетка, давай вещи поднесем!» Я только рот успела открыть, чтобы ответить, как один из них саквояж подхватил и бежать! Слава богу, вы рядом оказались! – Она с интересом посмотрела на Алексея. – Вы где-то поблизости живете?

– Да, – Алексей склонил голову в учтивом поклоне, – разрешите представиться, Илья Николаевич Полетаев, горный инженер, проживаю действительно неподалеку, – он кивнул в сторону ворот, – в доме Владимира Константиновича Сергеева.

– Владимира Константиновича? – в веселом изумлении воскликнула женщина. Она вышла из тени, и Алексей наконец разглядел ее. И совсем не женщина, а барышня, причем молоденькая и весьма привлекательная. – Что вы говорите? – Девушка сделала шаг навстречу и протянула Алексею узкую ладонь в шелковой перчатке. – Маша. – И тут же поправилась, изменив тон на более серьезный: – Мария Викторовна Пономарева. – И не выдержала, вновь засмеялась: – Племянница Владимира Константиновича Сергеева.

– Племянница? – поразился Алексей. – Но он мне ничего о вас не рассказывал. И даже не намекал, что вы приедете...

– А, пустяки! – махнула девушка рукой. – Я его нарочно не предупредила, что приезжаю. Пароход из-за туманов задержался, пришлось бы дядюшке целый день на пристани торчать!

– Но это ж неразумно! – опять очень серьезно посмотрел на нее Алексей. – Ночь на дворе, а вы одна, на извозчике... Он же вас куда угодно мог завести.

– О, этого я как раз и не боюсь. – Мария расстегнула сумочку, висевшую до этого у нее на плече, и вытащила револьвер. – Я очень часто бываю в экспедициях и знаю, как себя защитить.

– Что ж тогда так растерялись, когда на вас портяночники напали? – усмехнулся Алексей. – И про оружие забыли?

– Не забыла, – неожиданно сухо произнесла Мария, – но они еще почти дети, а в детей я не стреляю. – Она с вызовом посмотрела на него. – Не стоит портить о себе первое впечатление и ехидничать без меры.

– Хороши дети! – хмыкнул язвительно Алексей и произнес примиряющим тоном: – Не сердитесь, ваш багаж я и сам донесу, нам же по дороге. – Они подошли к калитке, и Алексей попросил: – Мария Викторовна, поднимите, если не трудно, вон тот узел, что на траве валяется.

Девушка подняла его и с удивлением посмотрела на своего нового знакомого:

– Это что такое?

– Грибы, – вздохнул Алексей, поворачивая кольцо на калитке, – или, точнее, то, что от них осталось...

Во дворе мелодично зазвонил колокольчик. И уже через минуту слышались шаркающие шаги, и знакомый голос учителя возвестил:

– Спешу, спешу, – и справился: – Это вы, Илья?

Глава 11

– Нет, дядюшка, – Маша отодвинула от себя чашку с недопитым чаем, – я в корне с вами не согласна. Начало освоения Сибири положено осквернением древних могил и гробокопательством. Вот смотрите. – Она открыла записную книжку и поправила дужку очков на переносице. – Здесь у меня выписка из донесения государю Алексею Михайловичу. Еще в 1670 году один из Североеланских воевод отписал ему: «В прошедшем году в ведомостях губернии показано, что в Тагульском уезде, около реки Холтыс и в окружности оной, русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые или серебряные всякие вещи и посуду...».

– Что ж, – вздохнул Владимир Константинович, – в чем-то ты и права. Всего сто лет понадобилось, чтобы разграбить Долину Царей. Ватажники – лихие людишки. Ни бога, ни черта не боялись! И шли в Сибирь прежде всего за поживой. За золотом, мягкой рухлядью!¹³ Скорее всего первые могильники вскрыли случайно, нашли золото, а потом уж пошло-поехало!

– Местные воеводы тоже хорошо руку приложили к подобному промыслу. – Маша окинула Алексея недовольным взглядом, словно именно он был повинен в том, что ватаги «гуляшников» грабили могилы, делясь добычей с местными чиновниками, которые смотрели на это сквозь пальцы, а зачастую даже поощряли грабеж, видя в нем источник пополнения казны и своего кармана.

– Я думаю, – продолжала Маша, – даже указы Петра Первого не смогли остановить грабеж и осквернение курганов. Никита Демидов, тот самый, который основал уральские заводы, как-то подарил ему целую коллекцию сибирских могильных вещей, и государю они очень понравились. После этого он велел закупать курьезные вещи и отправлять их в Мануфактур-коллегию.

– В коллекцию Демидова входили золотые и серебряные бляхи с изображением дерущихся зверей да еще, кажется, шейные гривны с фигурками барса и оленя, – уточнил Владимир Константинович и посмотрел на Алексея. – Вас не пресытили наши разговоры, Илья Николаевич? Нас с Машей не переслушаешь!

– Что вы, мне очень интересно, – совершенно искренне ответил Алексей, хотя часы уже показывали второй час ночи и день у него был не из самых легких. Но ему и вправду не хотелось спать. Приезд Маши и вызванная этим радостная суматоха отодвинули ужин на более позднее время. Поэтому следующий за ним вечерний чай и связанные с ним беседы затянулись за полночь. Но на этот раз говорили большей частью Владимир Константинович и Маша, а Алексей только слушал, до крайности пораженный теми познаниями в археологии, которые вдруг обнаружила племянница учителя.

Маша только на первый взгляд казалась хрупкой и беззащитной. В спорах с дядюшкой она ни в коей мере не желала сдавать позиций. То и дело поправляя рукой слегка выющиеся, выбивавшиеся из прически пряди волос, она приводила все новые и новые доводы в пользу своей теории, с пылом доказывала, что освоение Сибири нанесло непоправимый ущерб ее историческим памятникам.

Щеки ее покраснелись, а мелкие веснушки, разбежавшиеся по щекам, нисколько ее не портили, а лишь добавляли ощущения свежести и чистоты, которые исходили от нее, струились потоком какой-то особой, чуть ли не солнечной энергии...

Русые волосы с легкой рыжинкой пышным ореолом окружали ее головку. Серо-зеленые глаза в щеточке густых темных ресниц за стеклами очков казались еще больше и выразительнее.

Алексей прошелся взглядом по ее лицу, отмечая каждую его черточку. Тонкие брови, которые она сердито хмурила, если не удавалось переубедить дядюшку, или поднимала в удив-

¹³ Мехами (старш.).

лении домиком, когда он неожиданно легко уступал ее доводам... По-детски пухлые, удивительно яркие и четко, словно колонковой кистью, выписанные губы... Небольшой нос, с которого то и дело сползала дужка очков, и Маша с досадой водворяла пальцем ее на место...

Он продолжал исподтишка изучать ее лицо, пытаясь найти источник того необыкновенного обаяния, которое излучала эта девушка. Нет, совсем не писаная красавица сидела напротив него и отчаянно спорила со своим дядюшкой на темы, которые никогда не интересовали Алексея. Вернее, прежде он даже не подозревал, что подобные проблемы существуют...

– Я думаю, на сегодня споров хватит, – наконец сказал Владимир Константинович и посмотрел на большие настенные часы. – Пора спать! А завтра мы отправимся с тобой, Машенька, в урочище Кайтак. Я познакомлю тебя с интереснейшим человеком. По сути, он официальный гробокопатель. И все, что ни найдет в курганах, обязан сдавать в казну. Деньги ему платят небольшие, но на жизнь старику хватает. Там в урочище он себе даже юрту выстроил...

– И ты уверен, что он все сдает в казну? – улыбнулась Маша скептически. – Наверняка лучшие образцы уходят в руки коллекционеров и заезжих перекупщиков. Ты не можешь отрицать, что подобное явление тебе тоже знакомо.

Владимир Константинович развел руками:

– Конечно, от этого никуда не денешься. Даже в нашем обществе любителей древней истории находятся охотники до могильных сокровищ, хотя уставом общества строго запрещено приобретать древности с рук, если они найдены не в ходе археологических раскопок.

– Самое обидное, что деньги за подобные находки, зачастую бесценные, пропиваются в кабаках, а сами находки или исчезают бесследно в купеческих коллекциях, или переплавляются в тиглях, превращаются в безвкусовые сережки и колечки для тех же купеческих дочек. – Маша сердито нахмурила брови и с негодованием посмотрела на Алексея.

И он вновь почувствовал себя виноватым, словно только что вдел сережку из «бугорного» золота в ушко какой-нибудь... Анфисы Никодимовны. Нет, что ни говори, даже эта замечательная встреча с очаровательной девушкой, душевные беседы и пылкие споры за поздним чаем не смогли изгнать из памяти те несколько мгновений, когда он мысленно уже попрощался с жизнью, а затем непомерно радовался тому, что жизнь не оборвалась в тех таежных буераках, в которые он столь неосмотрительно сунулся...

Так же как не выпадала у него из головы встреча с Анфисой на дороге в Тесинск. Мысленно он уже не раз прикидывал, могла ли она опередить его, чтобы оказаться у заслонки, оттянуть затвор в сторону и спустить камни ему на голову. И каждый раз приходил к выводу: нет, не могла, потому что проехала мимо и скрылась из виду задолго до того, как ему в голову пришла шальная мысль полезть в гору...

Вероятно, кто-то следил за ним от слободы. И настолько тщательно хоронился, что даже Ермашка и Зайцев, которые на подобных хитростях зубы съели, не заметили злоумышленника и не сумели даже достоверно определить, кто это был на самом деле: мужик или баба? И этот тайный наблюдатель непременно хотел его уничтожить, не напугать, а именно уничтожить...

Только кого могло так сильно задеть его появление в Тесинске? Михаила Кретова? Но он вряд ли подозревает об истинных интересах молодого горного инженера. Хотя не нужно держать Мишу за простачка. Стоит вспомнить его подвиги в Герцеговине и в Сербии. Наверняка он знает толк в разведке, и где гарантия, что его нукеры уже не просчитали все наперед Тартищева... Анфиса? Только какой у нее резон сводить с ним счеты? Ну не поддался на ее чары и даже нагрубил при первой встрече...

Но из-за этого ведь не сжигают со света? Алексей вспомнил ненавидящий взгляд серых, слегка навывкате глаз и даже содрогнулся от мысли: нет, как раз подобная особа без особых угрызений совести способна уничтожить просто за то, что не проявил должной почтительности да еще позволил себе насмешки над дочерью всемогущего Никодима Кретова.

И вообще, что ей надо в Тесинске? Не для того ж она приехала почти за триста верст, чтобы встретиться со своим протеже бухгалтером Столетовым, смахивающим на большую землеройку? Но даже если она следит за Алексеем, вряд ли догадывается о его роли в происходящих событиях. И хотя он в доме ее папеньки представился полицейским чиновником, она наверняка не приняла его слова за чистую монету. Так же как и его имя. «Чингачгук – Большой Змей», – вспомнилось вдруг Алексею, и он улыбнулся...

* * *

Пыльная дорога вилась между приземистыми, сильно разрушенными временем и стихиями древними холмами, покрытыми рыжей выгоревшей травой, по которой тут и там паслись табуны низкорослых тесинских лошадей и отары овец под присмотром табунщиков и чабанов в драных овчинных шубах, надетых прямо на голое тело.

Созерцание красных от ржавчины камней, покрытых разноцветными заплатами лишайников, мелкая как порошок пыль, казалось, пронизавшая весь окружающий мир, отсутствие даже намека на ветерок, способный разогнать нестерпимую духоту, – поводов для разговоров не давали. И поэтому пассажиры небольшого экипажа предпочитали дремать под его мерное раскачивание и скрип колес, перемежаемые глухими ударами обода о выступающие над пылью камнями.

Иногда плоские обломки песчаника застывали на вершине небольшой возвышенности или холма. Алексей уже знал, это – могильное захоронение. И судя по тому, что камни стояли, а не лежали на своих местах, – недавнее, поэтому и не привлекло к себе внимания местных охотников за сокровищами далеких предков.

Вскоре дорога разошлась веером на четыре едва заметных в траве колеи. Они поехали по одной из них, которая все забирала и забирала влево, пока не привела к пологому холму с двумя огромными камнями на вершине.

– Самбыкские ворота, – сказал учитель и натянул поводья, останавливая лошадей. – Дальше пойдем пешком.

Они вышли из экипажа.

Владимир Константинович вытянул руку в направлении камней.

– Это дорога духов. Она ведет в урочище Кайтак, где проводят камлания местные шаманы. Обычно это связано с какими-то особыми событиями или народными праздниками. Православная церковь категорически против подобных явлений, поэтому камлания проводятся тайно, в ночное время. И зрелище, скажу вам, впечатляющее.

Они поднялись на холм, с которого открывался вид на просторную долину с разбросанными на равном удалении друг от друга пологими холмами, чья правильная форма не вызвала сомнения, – все они произведения рук человеческих – древние усыпальницы, могилы динлинских князей, когда-то правивших на этих землях, в них же и упокоившихся.

– Вон вход в урочище Кайтак, – показал учитель на узкую щель меж двумя скальными утесами, – но мы туда не пойдем. Все-таки не стоит беспокоить духов, хотя, если судить по погоде, они сегодня в благостном настроении. Но не будем испытывать их терпение. Говорят, они частенько сердятся и закрывают дорогу в Кайтак. То туман упадет внезапно, то сильный ветер с ног сбивает, то дожди проливные идут и единственную тропу заливают... – Владимир Константинович улыбнулся и подмигнул молодым людям. – Что ни говорите, язычники были гораздо ближе к природе, боялись ее и преклонялись перед ней, оттого, видно, и мстила она им гораздо реже, чем теперь.

– Что касается мести, то это довольно проблематично, – фыркнула Маша. – Древние верования возникли, и я согласна с этим, прежде всего от бессилия перед внешними обстоятельствами. Природа – всегда сильнее человека, вне зависимости от его верования и отноше-

ния к ней. – Она посмотрела на Алексея и улыбнулась ему: – Кажется, вам уже наскучили наши споры, Илья Николаевич? Но видит бог, я счастлива безмерно, что снова увиделась с дядюшкой. Мне просто несказанно повезло, что он поселился в Тесинске. Здесь истинная Мекка для археологов. Я собираю материалы для книги о сокровищах древних курганов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.